

Деволл Билл, Сешнс Джордж. Глубинная ЭКОЛОГИЯ

1985, источник: [здесь](#). Сокращенный перевод Е.Б. Мигуновой Рассказывается об идеях глубинной экологии — популярного на Западе экофилософского учения и общественного движения.

- [Борейко Владимир. Предисловие издателя](#)
- [Глава 1. Глубинная экология](#)
- [Глава 2. Некоторые источники мировоззрения глубинной экологии](#)
- [Глава 3. Для чего дикая природа в атомный век?](#)
- [Глава 4. Взгляд глубинной экологии на природопользование](#)
- [Глава 5. Экологическое сопротивление](#)
- [Заключение](#)

Борейко Владимир.

Предисловие издателя

Выпуском книги Билла Деволла и Джорджа Сешнса «Глубинная экология» Киевский эколого-культурный центр продолжает традицию перевода и издания на русский язык классиков мировой природоохранной мысли. Мы уже познакомили русскоязычного читателя Украины, России и других стран СНГ и Балтии с произведениями таких известных зарубежных экофилософов и практиков природоохраны как Гуго Конвенц, Линда Грэбер, Рик Скарс, Дейв Формэн, Питер Сингер, Том Риган, Эндру Линзи, Родерик Нэш, Эдвард Эбби, Джек Тернер.

Теперь вниманию наших читателей предлагается еще один экологический бестселлер — книга широко известных североамериканских экологов и экофилософов Б. Деволла и Дж. Сешнса «Глубинная экология».

Глубинная экология — очень популярный и широко известный сейчас на Западе термин. Впервые его предложил в 1972 г. выдающийся норвежский экофилософ Арне Нейс. Под глубинной (фундаментальной) экологией он понимал философию (мировоззрение, идеологию и даже движение), ставящие во главу угла равноценность человеческой и нечеловеческой жизни. Своей идеологической направленностью глубинная экология отличается от традиционной описательной экологии, определяемой как «поверхностная».

А. Нейс полагает, что сейчас все усилия по охране природы носят поверхностный характер — люди борются не с причинами, а с последствиями экологического кризиса. Поэтому нет перемен. В связи с чем необходимо не изменение технологии охраны природы, а сущностная мировоззренческая переориентация. А. Нейсом и его последователями — Б. Деволлом и Дж. Сешнсом разработана платформа глубинной экологии, о которой идет речь в одной из глав этой книги.

На мой взгляд, главное в учении глубинной экологии то, что ее создатели отказываются рассматривать природу просто как источник ресурсов человека. По их мнению, глубинная экология должна поощрять стремление к отождествлению с природой, чтобы урон, наносимый ей, воспринимался как урон самому себе. Глубинная экология призывает уважать права всех жизненных форм на жизнь и процветание, сопереживать другим живым существам и экосистемам, стремиться к максимуму разнообразия жизни человека и других видов.

Владимир БОРЕЙКО, директор Киевского эколого-культурного центра

Глава 1. Глубинная ЭКОЛОГИЯ

Термин «глубинная экология» был введен Арне Нейсом в статье «The Shallow and the Deep, Long-Range Ecological Movements» («Поверхностное и глубинное — перспективные экологические движения»), вышедшей в 1973 г. Нейс пытался описать более глубокое, более духовное отношение к Природе, примеры которого были приведены в работах Олдо Леопольда и Рейчел Карсон. Он полагал, что это более глубокое отношение является следствием более чуткой открытости людей к самим себе и другим живым существам вокруг нас. Существо глубинной экологии состоит в том, чтобы снова и снова ставить пытливые вопросы относительно жизни человека, общества и Природы согласно западной философской традиции Сократа. В качестве примера такой глубокой постановки вопросов Нейс подчёркивает, что «мы спрашиваем, почему и как, в то время как другие этого не делают. Например, экология как наука не ставит вопроса о том, какого рода общественная система будет наилучшей для поддержания той или иной экосистемы, — вопроса, на основании которого принято оценивать теорию, политику, этику». Таким образом, глубинная экология выходит за рамки так называемого фактографического научного уровня, поднимаясь до уровня мудрости Земли и собственного «я».

Глубинная экология выходит за пределы ограниченного, частного, поверхностного подхода к природоохранным проблемам и пытается чётко сформулировать всеобъемлющее религиозное и философское мировоззрение. Основами глубинной экологии являются наша глубокая интуиция и познание на опыте самих себя и Природы, сопереживание, что включает и экологическое сознание. Из этого сознания естественно вытекают определённые взгляды на политику и общественные установления. И в контексте данной книги мы обсуждаем традицию меньшинства как тип сообщества, наиболее благоприятный как для воспитания экологического сознания, так и для постановки основополагающих вопросов о ценностях и этике, которые рассматриваются на страницах этой книги.

Многие из этих вопросов — это вечные философские и религиозные вопросы, стоявшие перед людьми разных культур во все века. Что значит — быть уникальной человеческой индивидуальностью? Как может такой индивидуум сохраняться и развивать свою уникальность, являясь в то же время неотделимой частью системы в целом, где нет резких границ между «я» и всеми остальными? Результатом такого, более глубокого, экологического мировоззрения является то, что Теодор Рожак называет «пробуждением целых, больших суммы их отдельных частей. По духу своему это учение является созерцательным и целительным.»

Экологическое сознание и глубинная экология резко отличаются от доминантного мировоззрения технократически-индустриальных общественных систем, рассматривающих

человечество как изолированное и коренным образом отделённое от остальной Природы, как творение, стоящее над всем остальным сущим и надзирающее за ним. Но взгляд на человека как на отдельное от Природы, высшее существо является только частью больших культурных установлений. В течение тысячелетий западной культурой всё более овладевала идея превосходства, господства: господства человека над всей остальной Природой, мужчины над женщиной, богатых и сильных над бедными, превосходства Запада над всеми не-западными культурами. Глубинное экологическое сознание позволяет нам видеть дальше этих ошибочных и опасных иллюзий, поскольку глубинная экология, учение о нашем месте в хозяйстве Земли, включает и учение о нас самих как части органического целого. Выходя за рамки узко-материалистической научной трактовки реальности, она сплавляет воедино духовные и материальные аспекты реальности. В то время как ведущие умы доминантного мировоззрения обычно рассматривали и рассматривают религию как «просто суеверие», а древнюю духовную практику и просветительство, например, дзен буддизм, как в значительной степени субъективные, поиск глубинного экологического сознания — это поиск более объективного сознания и состояния постоянной глубокой пытливости, медитативного процесса и образа жизни.

Многие люди ставили эти глубинные вопросы и формировали экологическое сознание в контексте разных духовных традиций, например, христианства, даосизма, буддизма, ритуалов аборигенов Америки. Хотя в прочих отношениях эти традиции отличаются друг от друга, многое в них соответствует основным принципам глубинной экологии.

Австралийский философ Уорвик Фокс кратко выразил центральную мысль глубинной экологии следующим образом:

? «Эта мысль заключается в том, что мы не можем провести отчётливого деления в сфере всего сущего; что в реальности не существует разделения между человечеством и остальным миром, не принадлежащим к роду человеческому ... в той мере, в какой мы ощущаем границы между этими мирами, у нас отсутствует глубинное экологическое сознание».

Исходя из этого наиболее общего взгляда или характеристики глубинного экологического сознания, Арне Нейс развил два основных нормативных принципа (нормы) или интуитивных представления, которые сами по себе не являются следствием других принципов или интуитивных представлений. Они получены в процессе постановки глубинных вопросов и раскрывают важность перехода к философскому и религиозному уровню мышления. Конечно, их невозможно оценить с помощью методологии современной науки, основанной на обычных механистических положениях и очень узком определении понятия «данные». Этими основными нормативными принципами, нормами являются самореализация и биоцентрическое равенство.

Самореализация

В соответствии с духовными традициями многих мировых религий этот нормативный принцип глубинной экологии выходит за рамки современного западного «я» как изолированного эго, стремящегося, прежде всего, к гедонистическим наслаждениям или

узкому пониманию личного спасения в этой жизни или в будущей. Это социально программируемое чувство узкого личного «я» или социального «я» дезориентирует нас и оставляет нас молиться тем идолам или по той моде, которые преобладают в нашем обществе или социальной группе. Таким образом нас лишают возможности начать поиск нашей собственной уникальной духовно-биологической индивидуальности. Духовный рост, или расцвет, раскрытие, начинается, когда мы перестаём понимать или рассматривать себя как изолированных, ограниченных, конкурирующих эго и начинаем идентифицировать себя с другими людьми — своей семьёй, друзьями, и, в конечном счёте, со всем нашим видом. Однако в глубинной экологии чувство собственного «я» требует дальнейшего роста и зрелости, оно предполагает идентификацию себя не только со всем человечеством, но и со всем остальным миром, не принадлежащим к человеческому роду. Мы должны видеть дальше наших узких современных культурных представлений и ценностей, общепринятого понимания нашего времени и места, а это лучше всего достигается посредством медитативного процесса глубинной постановки вопросов. Только таким путём можем мы надеяться стать полностью зрелой, уникальной индивидуальностью.

Заботливое, не подавляющее общество может помочь в осуществлении «настоящей работы» по становлению целостной личности. «Настоящая работа» может быть символически кратко определена как самореализация «собственного «Я», где «Я» означает органическую целостность. Этот процесс полного раскрытия собственного «Я» можно подытожить фразой «ни один из нас не спасётся, пока не спасёмся мы все», где выражение «один» включает не только меня, отдельного человека, а всех людей, китов, медведей гризли, целые экосистемы тропических лесов, горы и реки, крошечных микробов в почве, и т.д.

Биоцентрическое равенство

Интуитивное понятие биоцентрического равенства сводится к тому, что все элементы биосферы имеют равные права на жизнь и процветание, развитие своих индивидуальных форм раскрытия и самореализации в границах самореализации более широкого «Я». Это основное понятие заключается в том, что все организмы и сущности в экосфере имеют равную собственную внутреннюю ценность как части взаимосвязанного единого целого. Нейс полагает, что биоцентрическое равенство как интуитивное понятие верно в принципе, несмотря на то, что все виды в своём жизненном процессе используют друг друга в качестве пищи, убежища и т.д. Взаимное хищническое истребление — биологический факт жизни, и многие из мировых религий боролись и борются с его духовными толкованиями. Некоторые защитники животных, пытающиеся обойти эту проблему путём пропаганды вегетарианства, вынуждены заявлять, что всё растительное царство, включая и тропические леса, не имеет права на собственное существование. Эта уловка резко противоречит самому существу интуитивного понятия равенства. Олдо Леопольд выразил это понятие, сказав, что люди — «простые граждане» биотического сообщества, отнюдь не хозяева и повелители всех прочих видов.

Биоцентрическое равенство имеет тонкую, глубинную связь с понятием всеобщей самореализации в том смысле, что, если мы наносим ущерб остальной Природе, мы наносим ущерб себе. Границ не существует, и всё взаимосвязано. Но постольку, поскольку мы воспринимаем любой организм или иную сущность как индивидуальность, этот взгляд

заставляет нас уважать все человеческие индивидуальности, а равным образом и все те, что не принадлежат к человеческому роду, поскольку все они имеют собственные права как части целого. При этом мы не ощущаем потребности устанавливать иерархию видов с человеком на её верхней ступени.

Практическое приложение этого интуитивного понятия или нормы таково: мы должны жить, оказывая минимальное, а не максимальное воздействие на другие виды и Землю вообще. Таким образом, мы приходим к другому аспекту нашего ведущего принципа: «простота средств, богатство результатов».

Более широкое обсуждение биоцентрического принципа раскрывается на практике полнее, когда мы приходим к пониманию того, что мы, как отдельные люди и как человеческие сообщества, имеем жизненно важные потребности, которые отнюдь не ограничиваются такими первичными нуждами, как пища, вода, жилище, а включают любовь, игру, творческое самовыражение, тесную связь с тем или иным ландшафтом (или с Природой во всей её полноте и целостности), а также близкие отношения с другими людьми; наконец, жизненно важную потребность в духовном росте, в становлении зрелой человеческой личности.

Наши жизненно важные материальные нужды, наверное, гораздо проще, чем многие полагают. Технократически-индустриальные общества переполнены пропагандой и рекламой, стимулирующими ложные потребности и разрушительные желания и способствующими увеличению производства и потребления товара. Всё это, по существу, отвлекает нас от объективного восприятия реальности, от того, чтобы начать «настоящую работу» по своему духовному развитию и достижению зрелости.

Многие люди, не считающие себя последователями глубинной экологии, понимают, однако, необходимость обуздания человеческих потребностей для обеспечения здоровой и качественной природной среды хотя бы для людей, если уж не для всего живого, с минимумом ядовитых отходов и ядерной радиации от предприятий, созданных человеком, минимумом кислотных дождей и смога и достаточными площадями свободной дикой природы, чтобы люди могли соприкоснуться со своими истоками, естественными ритмами, течением времени и места.

Исходя из традиции меньшинства и мудрости тех многих, кто предложил понятие общей взаимозависимости, мы признаём, что глубинные экологи излагают идеи, способствующие достижению зрелости и гармонии с Природой, однако нет ещё такого великого решения, которое гарантировало бы нам спасение от самих себя.

Основные нормативные принципы глубинной экологии содержат взгляд на природу реальности и наше место в ней как индивидуальности (многих в одной) в более широком масштабе. Они не могут быть полностью постигнуты умом, — в конечном счёте они постигаются только опытом. Предлагаем читателям рассмотреть дальнейшее изложение психологических, социальных и экологических приложений этих нормативных принципов в последующих разделах. А пока в качестве краткого итога наших взглядов, в Табл. 1 приводятся различия между доминантным мировоззрением и глубинной экологией.

Основные принципы глубинной экологии

В апреле 1984 г., с приходом весны и дня рождения Джона Мюира, Джордж Сешнс и Арне Нейс, отдыхая на лоне природы в Мёртвой долине (Death Valley) в Калифорнии, подвели итоги пятнадцатилетнего обдумывания принципов глубинной экологии. В этом величественном, специфическом месте они чётко сформулировали эти принципы точным и сухим, несколько нейтральным языком, надеясь, что их поймут люди разных философских и религиозных взглядов.

Предлагаем читателям самим разработать свои собственные версии глубинной экологии, прояснить ключевые концепции и обдумать последствия действий, основанных на этих принципах.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ

1. Благополучие и процветание человечества и всех иных форм Жизни на Земле имеют ценность сами по себе (синонимы: внутренняя, присущая ценность, подлинное достоинство). Эти ценности всех прочих форм жизни не зависят от их полезности для человечества.
2. Богатство и разнообразие форм жизни способствуют реализации этих ценностей и также являются ценностями сами по себе.
3. Люди не имеют права сокращать это богатство и разнообразие, если только это не требуется для удовлетворения жизненно важных нужд.
4. Процветание человеческой жизни и культур совместимо с существенным сокращением народонаселения. Процветание всех прочих форм жизни требует такого сокращения.
5. Нынешнее вмешательство человека в окружающий природный мир чрезмерно, и ситуация быстро ухудшается.
6. Стратегию, следовательно, необходимо изменить. Эта стратегия влияет на основные экономические, технологические и идеологические структуры. Полученное в результате такого изменения положение дел будет глубоко отличаться от существующего.
7. Перемена идеологии состоит, главным образом, в изменении оценки качества жизни (жизнь с восприятием внутренней ценности), а не приверженности всё более высоким жизненным стандартам. Должно быть глубокое понимание различия между большим и великим.
8. Те, кто принимает вышеизложенные положения, обязаны прямо или косвенно пытаться вносить в жизнь необходимые перемены.

НЕЙС И СЕШНС КОММЕНТИРУЮТ ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ

1. Эта формулировка касается биосферы или, точнее, экосферы в целом. Последняя включает индивидуумов, виды, популяции, среду обитания, а также культуры человечества и всех прочих форм жизни. Исходя из нашего знания о всепроникающих тесных взаимосвязях, это предполагает фундаментальную глубокую заботу и уважение. Планетарные экологические процессы должны, в целом, оставаться нетронутыми. «Мировая окружающая среда должна оставаться “природной”» (Гарри Снайдер).

Термин «жизнь» использован здесь в более всеобъемлющем, нетехническом смысле и относится также к тому, что биологи классифицируют как «неживое»: реки (водные бассейны), ландшафты, экосистемы. Для сторонников глубинной экологии такие лозунги как «Дайте жить реке» иллюстрируют это более широкое словоупотребление, принятое в большинстве культур.

Термин «Внутренняя собственная (изначальная) ценность» использованный в п.1, широко распространён в литературе по глубинной экологии («Наличие внутренней собственной ценности в любом природном объекте не зависит от каких бы то ни было знаний, интересов или оценки этого объекта любым думающим существом.»).

2. В более техническом смысле, здесь речь идёт о разнообразии и сложности. С экологической точки зрения, сложность и симбиоз суть условия максимального разнообразия. Так называемые простейшие, низшие, или примитивные виды растений и животных существенно увеличивают богатство и разнообразие жизни. Они ценны сами по себе и не являются просто ступенями к так называемым высшим или разумным формам жизни. Второй принцип предполагает, что жизнь сама по себе, как процесс, протекающий в эволюционном времени, означает увеличение разнообразия и богатства. Отказ признать, что одни формы жизни имеют большую или меньшую собственную внутреннюю ценность, чем другие (см. пп. 1 и 2), противоречит положениям некоторых экологических философов и писателей нового времени.

Сложность в том смысле, в котором этот термин употребляется здесь, отличается от трудности. Городская жизнь может быть более трудной, чем жизнь на природе, не являясь при этом более сложной в смысле многообразия своего качества.

3. Термин «жизненно важные потребности (нужды)» намеренно оставлен нечётким, чтобы дать возможность более широкого диапазона суждений. Следует учитывать различия климатических условий и прочих связанных с ними факторов, а также различия ныне существующих общественных структур (некоторым эскимосам сегодня необходимы снегоходы для удовлетворения жизненно важных потребностей).

Нельзя ожидать от людей, населяющих наиболее материально богатые страны, что они завтра уменьшат своё чрезмерное вмешательство в природную среду до умеренного уровня. Стабилизация и снижение численности народонаселения потребует времени. Необходимо разработать промежуточные стратегии. Однако это никоим образом не оправдывает нынешней удовлетворённости — прежде всего, необходимо осознать чрезвычайную серьёзность нашей сегодняшней ситуации. Но чем долее мы выжидаем, тем более решительные потребуются меры. Пока будут осуществлены глубокие перемены, неизбежно

произойдёт существенное сокращение богатства и разнообразия: скорость исчезновения видов будет в 10–100 раз выше, чем в какой-либо прежний период истории Земли.

4. В Отчёте о состоянии мирового народонаселения (1984 г.) Фонда ООН по занятости народонаселения сказано, что высокие темпы роста населения (более 2% ежегодно) во многих развивающихся странах «снижали качество жизни многих миллионов людей.» В течение десятилетия 1974–1984 гг. население земли выросло приблизительно на 800 млн. — более чем всё население Индии. «А с настоящего момента и до 2000 г. мы будем ежегодно прибавлять около одного Бангладеш (с населением 93 млн.)».

В этом отчёте отмечалось, что «Темпы роста народонаселения уменьшились впервые за всю историю человечества. Но в то же время количество людей, которые прибавляются в настоящее время к населению земли, больше, чем когда-либо прежде, поскольку возросла база народонаселения».

В большинстве развивающихся стран (включая Индию и Китай) уменьшение темпов роста населения является одной из целей официальной политики правительства, однако идут дебаты по поводу того, какие меры должны быть приняты (контрацепция, аборты, и т.д.) с учётом прав человека и имеющихся возможностей.

В отчёте делается вывод, что, если все правительства установят определённые показатели роста населения на уровне государственной политики, чтобы уменьшить нищету и повысить качество жизни, то существующая ситуация может быть улучшена.

Как подчёркивают многие экологи, абсолютно необходимо также сдерживать рост населения в так называемых развитых (т.е. чрезмерно развитых) индустриальных странах. Учитывая гигантский уровень потребления и производства отходов на душу населения в этих странах, они представляют гораздо большую угрозу для биосферы и их воздействие на неё гораздо сильнее, чем в странах Второго и Третьего мира.

5. Это — мягкая формулировка. Более реалистические оценки приведены в полной версии World Conservation Strategy («Мировой стратегии охраны природы»), изданной Международным союзом охраны природы и природных ресурсов (I.U.C.N). Могут быть настоятельно рекомендованы и другие работы, например, Global 2000 Report to the President of the United States («Глобальный отчёт президенту Соединённых Штатов за 2000 г.») Джералда Барни.

Термин «невмешательство» не означает, что люди не должны изменять те или иные экосистемы, как это делают другие виды. Люди изменили землю и, наверное, будут продолжать менять её. Речь идёт о способах и степени вмешательства.

Борьба за сохранение и расширение ареалов дикой или близкой к ней природы должна продолжаться; она должна сосредоточиться на общих экологических функциях этих ареалов (одна из этих функций: существование больших площадей дикой природы в биосфере необходимо для обеспечения возможности продолжения эволюционного видообразования животных и растений). Большинство существующих заповедников дикой природы и заказников недостаточно велики для этой цели.

6. Экономический рост, предусмотренный и воплощаемый сегодня индустриальными державами, несовместим с п.п. 1–5. Существует только слабое подобие между устойчивыми формами экономического роста и нынешней политикой индустриальных держав. И «устойчивый» по-прежнему означает «устойчивый по отношению к людям».

Нынешняя идеология склонна ценить вещи, поскольку их количество ограничено и поскольку они имеют товарную стоимость. Высокое потребление и большое количество отходов считается престижным (если говорить лишь о нескольких соответствующих факторах).

Хотя «самоопределение», «местные сообщества» и «мысли глобально, действуй локально» будут оставаться ключевыми терминами экологии человеческих обществ, однако внедрение глубинных изменений требует всё более глобальных действий — действий через границы.

Правительства стран Третьего мира (за исключением Коста-Рики и немногих других) не интересуются вопросами глубинной экологии. Попытки правительств индустриальных государств провести природоохранные мероприятия через правительства стран третьего мира правительства оканчиваются ничем (например, проблема опустынивания). Поэтому, учитывая данную ситуацию, всё более важной становятся глобальные действия через международные неправительственные организации. Многие из этих организаций могут действовать глобально в низах, «от человека к человеку», избегая таким образом негативного правительственного вмешательства.

Культурное разнообразие сегодня требует передовых технологий, то есть методов, способствующих достижению основных целей каждой культуры. Так называемые мягкие, переходные и альтернативные технологии — шаги в этом направлении.

7. Некоторые экономисты критикуют термин «качество жизни», считая его неясным. Но при ближайшем рассмотрении, то, что они считают неясным, есть просто неколичественная природа этого термина. Невозможно адекватно количественно оценить, что важно для качества жизни в том понимании, в котором оно употреблено здесь, да и нет нужды в такой оценке.

8. Имеется достаточный простор для высказывания различных мнений относительно приоритетов: что следует сделать сначала, а что потом? Что наиболее срочно? Что действительно необходимо, а что очень желательно, однако не абсолютно неотложно?

Интервью с Арне Нейсом

Ниже следуют отрывки из интервью с Арне Нейсом, проведенного в Дзен Центре Лос-Анджелеса в 1982 году. Сначала оно было опубликовано как интервью в Ten Directions («Десять направлений»). В этом интервью Нейс продолжает обсуждение важнейших положений глубинной экологии. Мы приводим его в заключение этой главы с тем, чтобы читатель мог получить необходимую информацию для подготовки к чтению последующих глав.

? «Существо глубинной экологии состоит в том, чтобы ставить более глубокие вопросы. Прилагательное «глубинный» подчёркивает, что мы спрашиваем «почему» и «как», а другие этого не делают. Например, экология как наука не ставит вопроса о том, какого рода общественная система будет наилучшей для поддержания той или иной экосистемы, — вопроса, на основании которого принято оценивать теорию, политику, этику. Если экологи придерживаются узких рамок своей науки, они не ставят таких вопросов. Сегодня нам необходимо огромное расширение экологического мышления в том направлении, которое я называю «экософией». «София» по-гречески «мудрость», что имеет отношение к этике, нормам, правилам, поведению. Экософия, или глубинная экология, предполагает, таким образом, сдвиг от науки в сторону мудрости.

? Например, нам нужно задавать вопросы типа: «почему мы считаем, что экономический рост и высокий уровень потребления так важны? Обычным ответом на этот вопрос будет указать на все последствия отсутствия экономического роста. Однако в глубинной экологии мы спрашиваем, удовлетворяет ли современное общество важнейшие человеческие потребности — в любви, в безопасности, в общении с природой, и, размышляя таким образом, мы одновременно подвергаем сомнению основополагающие идеи нашего общества. Мы спрашиваем, какое общество, какое образование, какая форма религии принесёт пользу всему живому на планете в целом, и далее мы спрашиваем, — что нам нужно для того, чтобы внести необходимые перемены. Мы не ограничиваемся лишь научным подходом; мы взяли на себя обязательство полностью выразить словами наше мировоззрение.

? Конечно, мировоззрения могут отличаться друг от друга. Буддизм, к примеру, предоставляет вполне подходящую основу, или контекст, для глубинной экологии, некоторые христианские группы тоже сформировали платформы для действий в пользу глубинной экологии, и я тоже разработал свою собственную философию, которую называю экософией. Вообще же люди не задают достаточно глубоких вопросов, чтобы выразить или прояснить мировоззрение в целом. Если бы они делали это, большинство согласилось бы сохранить планету от разрушения, которое происходит ныне. Цельное мировоззрение — каковым является глубинная экология — может предоставить единую мотивирующую силу для всех видов деятельности и всех движений, имеющих целью спасение планеты от человеческого господства и эксплуатации.

? ...Глубинным экологам легче, чем всем прочим, потому что у нас есть основополагающие ценности, основополагающая точка зрения на то, что действительно значимо в жизни, что стоит сохранять и обихаживать, поэтому нам совершенно ясно, что мы против дальнейшего индустриального развития во имя усиления господства и повышения уровня стандартов жизни. Материальные стандарты жизни необходимо резко снизить, а качество жизни, в смысле удовлетворения того, что мы несём в глубинах своего сердца, своей души, — вот это качество жизни нужно поддерживать и повышать. Этот взгляд интуитивен, так же как и все значительные взгляды, в том смысле, что он не может быть доказан. Как говорил Аристотель, попытки доказать всё доказывают недостаток образования, потому что для всего нужно иметь отправной пункт. Нельзя доказать методологию науки, нельзя доказать логику, потому что логика предполагает фундаментальные исходные посылки.

? Все науки фрагментарны и неполны относительно базовых правил и норм, поэтому мысль, что наука способна разрешить все наши проблемы, весьма поверхностна. Без основополагающих норм нет науки.

? ...Поэтому люди могут бороться против ядерной энергии, не читая толстых книг о ней, и не зная мириадом фактов из газет и периодических изданий. И они должны находить других, кто чувствует то же, и создавать кружки друзей, дающих друг другу уверенность и поддержку, чтобы вести тот образ жизни, который большинство считает смешным, наивным, глупым и упрощенческим. Но для того, чтобы поступать таким образом, человек должен быть достаточно уверенным в себе, чтобы следовать своей интуиции — этого качества очень сильно недостаёт широким кругам нашего населения. Большинство людей следует тенденциям и рекламе, и становится философски и этически ущербными.

? В глубинной экологии существует важнейшая интуитивная уверенность, что мы не имеем права уничтожать другие живые существа без достаточно веских причин. Ещё одна норма заключается в том, что по достижении духовной зрелости, человек будет радоваться радости других живых существ и печалиться их печалью. Мы не только будем испытывать грусть, если грустит наш брат, или собака, или кот, но мы будем горевать, при виде разрушения других форм жизни, включая и природные ландшафты. Наша цивилизация предоставила в наше распоряжение мощнейшие средства разрушения, но чрезвычайно мало зрелости даёт она нашим чувствам. Весьма узкий диапазон чувств интересовал большинство человеческих существ до настоящего времени.

? Глубинная экология видит демократию в самом существе биосферы ... Мы, сторонники глубинной экологии, ставим своей целью не только стабилизировать прирост человеческого народонаселения, но и сократить его до устойчивого минимума без революций и диктаторов. Я бы сказал, нас должно быть не более 100 миллионов на Земле, если мы хотим сохранить всё разнообразие культур, которое было у нас сотню лет назад. Потому что нам необходимо охранять человеческие культуры так же, как мы стремимся охранять природные виды.

? ...Самореализация — это реализация потенциальных возможностей живой жизни. Организмы, имеющие три отличия друг от друга, дают нам меньше разнообразия, чем те, что имеют сотню различий. Поэтому та самореализация, которую мы осуществляем, когда ощущаем своё единство со вселенной, повышается с увеличением направлений, в которых реализуют себя индивидуумы, общества, даже виды животных и другие формы жизни. Поэтому, чем больше разнообразия, тем выше самореализация. Эта кажущаяся двойственность между индивидуумом и всеобщностью охватывается тем, что я называю Собственной Личностью (Эго), и что китайцы называют Дао. Большинство людей, преданных глубинной экологии, когда-то испытали чувство, — обычно, хотя и не всегда, в природе, — что они связаны с чем-то большим, чем их собственное эго, большим, чем их имя, семья, их особые, отличительные свойства как личности — чувство, иногда называемое океаническим, потому что многие испытывают его в океане. Если человек не испытал такого отождествления, распознавания себя, трудно будет увлечь его глубинной экологией ...

? ...Если эти чувства вызваны религией, то глубинная экология имеет религиозный компонент, и те люди, которые сделали больше других, чтобы просветить общества касательно их разрушительного образа жизни в отношении к природной среде, — эти люди испытывали такие религиозные чувства. Рэйчел Карсон, например, говорит, что мы просто не можем делать того, что мы делаем, что у нас нет никакого обоснования, никакого оправдания того, как мы ведём себя по отношению к природе ... Она говорит, что нам просто не разрешено вести себя таким образом. Кто-то скажет, что природа — не наша собственность, она принадлежит Богу; другие выразят это иным способом. Главное здесь то, что глубинная экология включает религиозный компонент, важнейшие интуитивные представления и ощущения, которые следует в себе культивировать, если мы хотим вести жизнь, основанную на подлинных ценностях, а не функционировать как компьютер.

? Чтобы максимизировать самореализацию, — я не имею здесь в виду «само-» как эго, но как нечто в гораздо более широком смысле, — нам нужны максимальное разнообразие и максимальный симбиоз ... Многообразие, следовательно, является фундаментальной нормой и источником общего наслаждения. Как глубинные экологи, мы получаем естественное наслаждение в разнообразии, если, конечно, оно не включает грубые, насильственные культуры, разрушительные для других, — как, к примеру, нацизм».

*Теперь я знаю секрет, как сделать людей лучше —
Нужно расти на свежем воздухе,
есть и спать вместе с землёю.
Уолт Уитмен, «Листья травы».*

Глава 2. Некоторые источники мировоззрения глубинной экологии

Глубинная экология — радикальное природоохранное мировоззрение в том смысле, что она выражает давно уже существующее течение меньшинства в религии и философии в Западной Европе, Северной Америке и на Востоке. У него есть ярко выраженные параллели и общие взгляды со многими религиями и философскими воззрениями первобытных людей (включая аборигенов Америки — индейцев). В определённом смысле это течение можно интерпретировать как возвращение к той мудрости, к тем познаниям, которыми люди когда-то обладали.

Вечная философия

Олдос Хаксли в своей работе «Вечная философия» рассмотрел множество религий и философий в поисках общих положений. Он обнаружил, что типичным для них началом является метафизическое объяснение мира или реальности, помещающее человека в более широкий контекст сущего. Человеческую психологию понимали тогда в терминах приспособления, адаптации к этой более широкой реальности. Наконец, система этики, или образа жизни была конечным результатом этого подхода вечной философии. Духовный рост человека, его формирование, достижение зрелости происходили в результате «просвещения» — осознания того, что наше узко-изолированное, социализированное «я» есть иллюзия, что на самом деле мы тончайшим образом связаны со всеми процессами, происходящими вокруг нас. Многим людям известны эти идеи из восточных традиций, однако они не понимают, что и на Западе традиция этой вечной философии существовала тысячелетиями. В качестве удачных примеров западной философии можно привести системы Пифагора и Платона (обратите особое внимание на «аллегория пещеры» в его «Республике»), а также более природно-ориентированную систему Спинозы. Философ Якоб Ниддлман в «Утраченном христианстве» и «Сердце философии» рассматривает гностику и другие западные религиозные традиции вечной философии, так же как и Рожак в работах «Где кончается пустошь» (1972) и «Незавершённое животное» (1977).

Традиция вечной философии имеет сегодня непосредственное отношение к нам по нескольким причинам. Современная западная академическая философия в двадцатом веке слишком уж связала себя с механистической наукой, считая её пробным камнем для своего понимания реальности и получения знаний, а так же средством узкого, предубеждённого

анализа языка, и уж конечно, не способна отыскать утерянную мудрость философской традиции. К примеру, нынешние специалисты — философы развивают этическую теорию в полном отрыве от её метафизических основ или понимания выдвигаемых ими глубоких предположений. Кроме того, они игнорируют историю философии и те культурные контексты, в которых возникали те или иные идеи и теории. Всё это в той или иной мере укрепляет антропоцентризм и существующее индустриально-технократическое общество. Такие специалисты мало пригодны для того, чтобы помочь формировать так необходимое нам ныне мировоззрение глубинной философии.

Подобным образом и современная психология потеряла связь с философией мудрости и представляет нас с помощью слишком упрощённых и искажённых социально ориентированных моделей здорового и зрелого человека. Значительное внимание в восточной философии, психологии и методах духовного усовершенствования уделяется ныне попыткам исправить оскудение философии и психологии Запада. Возрождение традиции вечной философии снова объединяет метафизику, психологию, теорию знания, этику, общественные и политические теории, чтобы помочь нам получить последовательное и цельное представление о мире и значении человеческой жизни.

Олдос Хаксли подчёркивает, «во всех исторических формулировках вечной философии представления о том, что конец человеческой жизни ... есть прямое и интуитивное напоминание о Боге, что действие есть средство достижения цели, являются аксиомой». Многие представители западной культуры относятся к медитации или размышлению как к пассивному сидению или уходу в себя от мира с его проблемами. Однако жизнь в медитациях и размышлении, напротив, предполагает очень активное напряжение, направленное на самопознание и интеграцию личности. Те, кто предпринимают какие-либо действия без чёткого, точного понимания своих жизненно-важных нужд и истинных мотивов, могут на самом деле быть вполне пассивными индивидуумами. В версии вечной философии, предложенной Спинозой, ключом к человеческой зрелости и свободе является такое понимание мира и самих себя в нём, которое позволяет нам перейти от пассивного, бездумного обусловленного поведения к активным взаимоотношениям с окружающим нас миром.

Метафизика, необходимая возникающей экологической вечной философии, обеспечит структурное представление о фундаментальном единстве и взаимосвязанности вселенной, но в то же время и об уникальности и важности каждого отдельного живого существа. Эта метафизика взаимосвязанности позволит нам осознать, что весь природный мир, все прочие виды являются каким-то необъяснимым образом частью нас самих, а мы являемся их частью (взаимовлияние и сотрудничество). Подлинно активная личность предпримет непосредственные действия во имя сохранения природного мира, поскольку, в смысле глубокой зрелости, человек понимает, что такое сохранение — в интересах сохранения его самого, его эго, его как личности.

“ «Западная цивилизация в целом оказалась ныне между мечтами ... (почти как во времена Возрождения), а западный человек оказался между двумя

мечтами: позади — мечта о мире, обращённом в христианство, впереди — мечта о покорённой природе. Экологический кризис, угроза атомной войны, разрушение традиционных форм человеческой жизни передовыми технологиями ... (привели к тому, что) убаюкивающие надежды на научный прогресс, мечты о манипулировании природой для достижения наших эгоистических целей, кончились».

Джекоб Ниддлеман, «Чувство Космоса» (1975)

Литературная традиция натурализма и пасторалей в Америке

Хотя значительная часть современной литературы имеет очевидно антропоцентрические тенденции, сосредоточиваясь на человеке с его борьбой в условиях городской жизни и её неизбежными проблемами, всё же в Европе и Америке существуют богатые пасторальные и натуралистические литературные традиции, являющиеся хорошей основой для формирования глубинного экологического сознания. Романтическое движение в Европе, берущая начало с Жан Жака Руссо, бросившего вызов слишком цивилизованной, рафинированной Европе, и продолжающаяся в творчестве Гёте и романтических поэтов (Блейка, Вордсворта, Кольриджа, Шелли, и т.д.) можно рассматривать как противодействие узкому академизму и индустриализму современного мира. В Америке эту традицию продолжили Уолт Уитмен, трансцендентальный философ Эмерсон, Торо и Мюир.

Литературный критик Лео Маркс («Машина в саду», 1964) ссылался на эту традицию посреди воодушевления и волнений Дня Земли, критикуя научный истеблишмент за консерватизм и недооценку всей серьёзности экологического кризиса. Маркс обнаружил, что экологические взгляды выражены во многих произведениях пасторальной американской литературы, в частности, у Купера, Эмерсона, Торо, Мелвилла, Уитмена, Твена и других. Он утверждал, что понимание экологического взаимопроникновения у этих авторов, так же как и «ощущение места», часто приводившее к «неким воображаемым, призрачным переживаниям, выражалось в языке с такими сильными, экстремальными, почти мистическими чувствами, что многим читателям (однако, в большинстве случаев, не сторонникам молодёжной культуры 1960-х), трудно было воспринимать его серьёзно».

«Моби Дик» Мелвилла во многих отношениях можно рассматривать как классическую аллгорию западных (в частности, американских) саморазрушительных усилий покорить природу. Ахаб, капитан индустрии, всё больше сходит с ума в своих усилиях перехитрить и уничтожить природу в образе Моби Дика, огромного белого кита. Однако охотник сам становится добычей, и кит в конце концов уничтожает своего мучителя.

Эта литературная традиция, представленная также произведениями Мэри Остин, Д.Х. Лоуренса, Олдоса Хаксли, Робинсона Джефферса, Уильяма Фолкнера, Джозефа, Вуда Кратча, Генри Бестона, Анне Диллард, Уоллеса Стегнера, Сигурда Олсена, Френка Уотерса, Уенделла Берри, Эдварда Эбби, Барри Лопеса, Гарри Снайдера и других, призывает нас

откинуть индустриально-технократическое мировоззрение и восстановить наши корни в Матери Гее.

Если некоторые из романтических и трансцендентальных писателей были слишком субъективны и сентиментальны, оценивая доброту Природы и великодушие первобытных людей («миф о благородном дикаре»), то, начиная с Джона Мюира и Робинсона Джефферса и вплоть до Гарри Снайдера, писатели развивают более объективный взгляд на человека и Природу. К примеру, Д.Х. Лоуренс в своём выдающемся эссе «Пан в Америке» (1924) даёт обзор слишком сентиментального пантеизма в европейском романтизме, а далее приводит замечательно глубокий взгляд на более реалистическое, мистическое понимание взаимосвязанности и взаимодействия индейцами Нью-Мексико.

Никто из современных писателей не сделал так много, как Гарри Снайдер, для формирования мироощущения глубинной экологии. И в своих стихах, и в эссе Снайдер закладывает фундамент для «настоящей работы» по заселению этого континента сызнова. Его коллега, поэт Уильям Эверсон утверждал в своём «Прообразе Запада» (1976), что «уже добрых два десятка лет Снайдер прорубает направляющие, по которым должно продвигаться «зелёное» развитие Америки, и эта его работа не напрасна».

В 1975 году Снайдер получил Пулитцеровскую премию в области поэзии за книгу «Черепаший остров», содержащую самые лучшие из его стихов и важнейшие эссе и высказывания, связующие дзен-буддизм, традиции американских индейцев и глубинную экологию.

В своём проникновенном эссе «Спуск Гарри Снайдера на Черепаший остров» Эдвин Фолсом отмечает, что, когда закрылась западная граница, некоторые поэты начали искать новые направления для американцев. Стало очевидно, что религиозно-экономические воззрения, установленные индустриально-урбанистическим обществом, уничтожили природу и диких животных этого континента, сократив и нашу жизнь. Снайдер продолжает развивать идеи и традиции таких поэтов, как Уильям Карлос Уильямс и Харт Крейн, полагавших, что нам следует вступить в контакт с самой землёю, с представлениями и традициями древних американских племён, живших в гармонии с нею. Снайдер предложил хорошо отработанное им представление о новом племени «белых индейцев», которым предстоит заново населить землю, следуя «старыми путями». Фолсом утверждает, что:

“ «Самое главное достижение Снайдера — это то, что он вновь открыл дикую природу и вновь утвердил её важность, чётко отказавшись от американского закрытия границы. Снайдер объявляет открытие границы, пытается отбросить её на восток, повернуть вспять американский исторический процесс, вернуть дикую природу обратно в нашу цивилизацию, высвободить накопленную энергию от наслоений внутри нас».

Пользуясь очаровательной напевностью древней поэзии, Снайдер становится выразительным голосом Матери Гей и всех её живых существ, призывая нас вернуться к чистоте мыслей и «правильному житью», вернувшись на старые пути. Это — путь свободы для людей и для планеты. Говоря словами Снайдера: «Старое — значит истинное, верное,

нормальное: в потоке вселенной. Старое, потому что это основополагающий образ жизни, — даосизм, индуизм, буддизм, — младшие братья, слегка запутавшиеся вследствие перехода через временные завихрения, именуемые цивилизацией... Люди и места, которыми никто не будет управлять — их называем «дикими»...

Боб Стюдинг своей работе «Гарри Снайдер» поясняет различие между романтическими и экологическими взглядами:

? Теории современных поэтов, в частности, Снайдера, кажутся определённо неромантическими в своей сущности. У этих поэтов совершенно иное восприятие Природы, чем у романтиков... Романтики задавали множество существенных вопросов, но были неспособны расшифровать ответы из-за крепко приставших к ним иудейско-христианских предубеждений, гуманистических взглядов на вселенную, и, самое важное, отсутствия научных знаний... Трансценденталисты читали ориенталистов и соглашались, подобно Снайдеру, что всё со всем взаимосвязано. И всё же они стояли в стороне, рассматривая то, что они называли «Природой» как нечто иное, отличное от них... В отличие от восприятия мира, отражённого в последних работах Снайдера, романтики никогда не видели природу. Они рассматривали свои мысли, свой разум».

Наука экология

Важнейший вклад науки экологии в глубинную экологию состоит в том, что она снова открыла в современном научном контексте, что всё связано со всем остальным. Таким образом, экология как наука предложила взгляд на Природу, в котором отсутствовал дискретный, редукционистский подход ней, свойственный другим наукам.

Далее, в работах некоторых экологов и специалистов в области естествознания, в том числе Рейчел Карсон, Ф. Фрейзера Дарлинга, Чарльза Элтона, Олдо Леопольда, Пола Сирза, Уивильяма Фогта, Юджина Одума, Фрэнка Эглера и других, глубинное экологическое сознание существовало бок о бок с более узким определением экологии как «науки о природных взаимосвязях». Многие из этих экологов развили в своих работах те или иные версии биоцентрических взглядов на равенство всех живых существ, в том числе и людей.

Ещё один вклад науки экологии заключается в том, что она предлагала всем, кто ею занимался, работать в поле и действительно видеть взаимосвязи, вместо того, чтобы изучать их в лабораториях и аудиториях. Учёный, таким образом, должен был стать непосредственным участником процесса. Начиная с работ английского пастора Гилберта Уайта, через Торо, Мюира, Чарльза Дарвина и других учёных девятнадцатого века и до более «радикальных» экологов — Марстона Бэйтса, Фрэнка Эглера, Пола Эрлиха и других — экологи осознавали необходимость выйти за узкие пределы трактовки научных данных и заглянуть в своё собственное сознание, чтобы развить в себе своё собственное понимание, ощущение места.

В 1920-х и 30-х годах взгляды Олдо Леопольда резко переменялись — от мировоззрения «руководства, заботливого управления» природными ресурсами к тому, что он стал

называть экологическим сознанием. Его важнейшие мысли об экологическом сознании и этике земли, пользующиеся огромным влиянием среди экологов всего мира, изложены в ныне классической работе «Календарь песчаного графства» (1949). Биоцентрическое равенство он выразил в классической форме: «мы вместе с другими созданиями всего лишь попутчики в одиссее эволюции». Принятие экологического сознания, говорит он, «изменяет роль Homo sapiens — из покорителя земного сообщества он становится просто его членом и гражданином. Это подразумевает уважение к остальным его членам, а также и ко всему сообществу как таковому».

Леопольд утверждал, что «биотический механизм настолько сложен, что мы, возможно, никогда не сможем полностью понять его работу», подрывая этим возможность тотального успешного покорения и контроля природы людьми, и подчёркивая тем самым загадочность биотических процессов. Леопольд также подчёркивал контраст между «человеком — покорителем и человеком — гражданином биоты; наукой, наточившей свою шпагу, и наукой — прожектором его вселенной; землёю — рабыней и прислугой и землёй — совместным организмом». Он говорил:

“ «...то, что человек, фактически, только член биотической команды, очевидно из экологической интерпретации его истории... совместные свидетельства истории и экологии дают основание сделать один общий вывод: чем менее насильственны перемены, вносимые человеком, тем выше вероятность успешного исхода изменений (экологической) пирамиды».

Леопольд одним из первых сформулировал эгалитарную этику экосистем: «Правильно то, что стремится сохранить целостность, стабильность и красоту биотического сообщества. В противном случае оно неправильно».

Идеи Леопольда являются поистине подрывными и представляют собою веху в развитии биоэкоцентрических взглядов. Экологи отдали дань позиции Леопольда, но до недавнего времени почти никто из них не понимал полностью воздействия радикальной природы экологического сознания Леопольда.

В начале 1960-х годов Пол Сирс назвал экологию «подрывным предметом», а другие радикальные экологи, такие, к примеру, как Фрэнк Эглер, начали искать подходящую метафизику взаимосвязей для экологии и Запада в восточных религиях. Многие радикальные экологи, воспринявшие взгляды глубиной экологии, стали принимать участие в дебатах об образовательном процессе и государственной политике, выступая за охрану биологического разнообразия ради него самого и ради связей человека с текущими природными процессами. В частности, Марстон Бейтс, Джон Ливингстон, Дэвид Эренфельд и Пол Эрлих активно выступали против некоторых базовых положений доминантного мировоззрения, призывали к защите дикой природы и охране различных видов диких животных ради них самих.

Джон Ливингстон пытался найти важнейшие причины грандиозного провала попыток государственной политики сохранить дикую природу. Он видел, что все аргументы, используемые для её обоснования в общественных дебатах, были сплошь «рациональными»,

то есть основанные на узко ограниченных интересах человека. Теоретически и практически растения и животные воспринимались исключительно как используемые или потенциальные ресурсы для потребления разнообразными способами. В своей работе «Заблуждения охраны дикой жизни» (1981) и более ранней «Одно космическое мгновение» (1973) Ливингстон убеждал, что без коренных изменений сознания, глубокого осознания нашей взаимосвязанности с миром природы, безнадежно пытаться повернуть вспять текущую ситуацию и защитить дикую природу от разрушения человеком.

Дэвид Эренфельд внёс крупный вклад в критику подхода доминантного мировоззрения к управлению дикой природой и соответствующих технологических решений. В работе «Высокомерие гуманизма» (1978) он показывает, что главной опасностью для нашей цивилизации является разрушение природного мира, вызванное человеческой деятельностью, которое он объясняет как логический результат деятельности согласно доминантному мировоззрению. Он переходит к критической оценке практичности его основных положений. Эренфельд был одним из первых крупных экологов, давших систематических анализ этого мировоззрения с позиций, близких к глубинной экологии, поскольку в них звучит призыв к биоцентрическому равенству.

Пол Эрлих показал путь к активной политической деятельности в 1960-х и 70-х годах, выведя других профессиональных биологов и экологов на политическую арену, борясь за охрану природного разнообразия, постулируя как человеческие ценности, которые можно отстоять, только поддерживая биологическое разнообразие, так и внутреннюю неотъемлемую ценность лесных и морских экосистем.

Биолог Барри Коммонер пошёл даже дальше остальных экологов в своей общественной активности, став кандидатом в президенты США в 1980 году, выступив с платформой полного изменения всего направления природоохранной политики федерального правительства, хотя он никогда ясно не отстаивал позиции глубинной экологии.

Одним из важнейших вкладов Коммонера было то, что он кратко изложил «законы» экологии, содержащие основные принципы глубинной экологии, для аудитории непрофессионалов. Он перечислил эти законы в своей работе «Замыкающийся круг» (1971):

1. Всё связано со всем остальным.
2. Всё должно куда-то деваться.
3. Природа знает лучше.
4. Бесплатный сыр только в мышеловке, или за всё нужно платить.

Барри Коммонер комментирует Третий Закон Экологии — «Природа знает лучше»:

? По моему опыту, этот принцип вызывает значительное сопротивление, поскольку он противоречит глубоко укоренившейся идее об уникальной компетенции человеческих существ. Одной из наиболее распространённых черт современной технологии является убеждение, что её основная задача — «улучшить природу» — предоставить людям пищу, одежду, жильё, средства связи и выражения, значительно превосходящие те, которые человек может найти в природе.

Выражаясь прямо, третий закон экологии утверждает, что любое крупное изменение экосистемы человеком, как правило, будет для неё разрушительным. Это — экстремальное заявление; но я всё же полагаю, что если его правильно понять в надлежащем образом разъяснённом контексте, в нём обнаружатся значительные достоинства.

Я нахожу полезным объяснить этот принцип посредством аналогии... в биологических системах. Вполне возможно добиться определённого набора случайных, врождённых изменений в живом существе, обрабатывая его каким-нибудь агентом, ну, скажем, рентгеновскими лучами, увеличивающими частоту мутаций. Обычно рентгеновские лучи увеличивают частоту всех мутаций, которые наблюдаются, хотя очень нечасто, в природе, и могут поэтому рассматриваться как возможные изменения. Что важно для наших целей — так это универсальное наблюдение, доказывающее, что почти все мутации, частота которых увеличивается посредством рентгеновских лучей или другими способами, травмируют организм, и в большинстве случаев настолько опасны для него, что могут уничтожить ещё не полностью сформировавшийся организм.

«Новая физика» и глубинная экология

Начиная с семнадцатого века, направляющей моделью для построения науки была физика. Архитекторы Научной Революции — Рене Декарт и Исаак Ньютон — представляли вселенную в виде гигантского механизма, легко объяснимого в простых терминах причинно-следственных связей. Пьер Лаплас был убеждён, что наука сумеет объяснить абсолютно всё во вселенной — это только вопрос времени. Биологический мир можно будет объяснить в терминах физики. Общественные науки, в том числе психология и социология, чтобы быть достаточно уважаемыми науками, тоже строились по принципу и моделям физики. Доминантная западная метафизика, от Демокрита и Аристотеля вплоть до наших дней, рассматривала и продолжает рассматривать мир как набор дискретных сущностей или субстанций. Современная физика возведена на этих метафизических воззрениях, представляющих реальность как крошечные частицы изолированной материи — атомы. Кроме того, объективность научного знания требовала от учёного некой отстранённости от наблюдаемого им объекта или явления, чтобы его эмоции и субъективные предвзятые соображения не влияли на результаты наблюдений.

С приходом «новой физики» вся эта картина реальности разбилась вдребезги, хотя в общественные (гуманитарные) науки её идеи пробивали себе дорогу достаточно медленно. Идея дискретной материи, субатомных частиц отступает перед представлением о Природе как непрерывном течении или потоке трансформаций энергии. В том же ключе теперь и учёный уже не должен самоустраниться от проводимого им эксперимента или наблюдения — эта мысль отвергнута как иллюзия. Важно отметить, что ещё в девятнадцатом веке Торо и Мюир сознательно отказались от механистического научного метода и отстаивали точку зрения, что учёный должен быть активным участником научных исследований. В своей выдающейся книге «Нехоженым путём» Майкл Коэн рассказывает, как Мюир пришёл к своей теории ледникового образования Сьерра-Невады, лёжа на отполированном ледником граните, чтобы «думать как ледник». Торо, Д.Х. Лоуренс и Гэри Снайдер в своих научных подходах также активно опирались на чувства, ощущения, участие в исследовании.

Физик-теоретик Фритьоф Капра в своей работе «Дао в физике» (1975) проделал выдающуюся работу, дав разъяснение революционности новой физики и того, каким образом она привела к метафизическому взгляду на реальность, подобному воззрениям восточных религий и экологической взаимосвязанности. В работе «Поворотный пункт» (1982) Капра переносит это новое представление метафизической взаимосвязанности на рассмотрение перемен, которые необходимы нашим социальным структурам. Он считает, что глубинная экология является именно той системой взглядов, в рамках которой следует строить будущие человеческие общества.

Если новое мировоззрение и метафизика взаимосвязанности, вытекающая из более глубокого понимания экологии, действительно обоснованны и имеют силу, то следует ожидать появления такого же взгляда на реальность и в других областях. Медицина — один из примеров того, как подход к болезни, основанный на «дискретной проблеме», уступает место более холистическим концепциям здоровья.

Морис Берман, автор книги «Возрождение магии мира» (1981), видит серьёзные ловушки в некоторых версиях взаимосвязанного представления реальности, особенно в трактовках мыслителей Новой эры и пропагандистов новой физики, таких как Дэвид Бом. Берман утверждает, что представляемый ими процесс метафизики, основанный на кибернетической теории систем, рискует стать бестелесным. Их чисто формальные, компьютеризованные или математические абстракции полностью отбрасывают осязаемый, воспринимаемый всеми чувствами природный мир. В научной экологической теории многое базируется на теории кибернетических систем — продолжении картезианских взглядов семнадцатого века на вселенную как механизм, поэтому к ней нужно относиться с большой осторожностью. Попытки моделировать экосистемы с помощью компьютеров тоже сильно искажают живую реальность. Как говорит пословица «карта — не территория» («Гладко было на бумаге, да забыли про овраги»). Мы считаем Землю живым организмом, который следует понимать и воспринимать соответственно. Не существует никаких технологических упрощений непосредственного органического восприятия.

Однако самым опасным, по оценке Бермана, является то, что сознание в трактовке учёных Новой эры грозит стать «компьютерным сознанием» — то есть просто ещё одним абстрактным механистическим представлением реальности.

“ «Как мистические традиции, так и «новая физика» служат тому, чтобы выработать «экологическую осведомлённость» — так мы называем убеждённость во взаимосвязанности всех вещей, или, точнее, всех явлений».

Уорвик Фокс, «Интуиция глубинной экологии» («Эколог», 1984).

“ «Я думаю, что физика способна выработать экологическую осведомлённость. Видите ли, по-моему, современной западной версией мистического понимания, нашей версией буддизма или даосизма станет

экологическая осведомлённость».

Фритьюф Капра, цитируется по работе Уорвика Фокса «Интуиция глубинной экологии».

“ «Наша культура начинает, — если не слишком много спрашивать и критиковать, — обретать некое «компьютерное сознание»... видеоигры и домашние компьютеры формируют одинаковое мировоззрение у миллионов людей ... они передают ощущение, что реальность есть результат программирования, а дети, да и взрослые, черпают оттуда свой специфический бытовой словарь. Боюсь, что общий результат — обширная субкультура, считающая реальность по существу нейтральной, а главное — бестелесной, некой формой чисто ментального процесса».

Морис Берман, «Кибернетическая мечта 21 века» (1984, не публиковалось).

Христианство и глубинная экология

Нескольких мыслителей, представляющих христианскую традицию, могут служить источником позиции глубинной экологии в отношении органической целостности и биоцентрического равенства. В частности, эту позицию отстаивали святой Франциск Ассизский (1181-1226) и Джордано Бруно (1548-1600).

В своей статье «Исторические корни экологического кризиса» Линн Уайт-младшая называет святого Франциска величайшим духовным революционером после Христа и предлагает считать его святым покровителем экологии. Он делает следующий вывод:

? «Величайший духовный революционер во всей западной истории, Франциск Ассизский, предложил то, что он считал альтернативой христианскому представлению о природе и взаимоотношениям человека с ней; он пытался заменить идею неограниченного господства человека над всем сущим идеей равенства всех живых созданий, включая человека...

? Ключ к пониманию Франциска — его убеждённости в добродетели смирения и милосердия — не только к отдельной личности, но и ко всему человеческому виду. Франциск пытался свергнуть человека с его монархического пьедестала и установить демократию всех Божьих созданий».

Знаменитая праздничная, хвалебная песнь Франциска «Брате Солнце, сестрица Луна» признаёт равенство всего Божественного творения.

Философия Джордано Бруно базировалась на представлении о бесконечности вселенских взаимосвязей во времени и пространстве, охватывающих все явления, — как материальные, так и духовные. Каждая часть бесконечного множества миров Бруно движется своим собственным предназначенным ей курсом, движимая собственной двойственной природой — как часть целого и как индивидуум, связанный со всеми остальными мирами.

Прежде чем за все эти еретические мысли инквизиция сожгла его на костре на флорентийской площади Цветов в 1600 году, Бруно написал в своём важнейшем труде:

“ «Так что препятствием на пути познания природы и главным основанием невежества является неспособность воспринять во всех предметах и явлениях гармонию субстанций, движений и свойств ... Именно эти особенности, многие из которых кажутся издали абсурдными и одиозными, а при более близком взгляде уже выглядят прекрасными и истинными, — познанные глубоко, они будут полностью одобрены, самыми замечательными, самыми определёнными изо всех...»

Окончательную позицию глубинной экологии с христианской точки зрения ещё предстоит изложить, но начать следует со Священного Писания и традиции. Хвалебная песнь глубинной экологии, почерпнутая из Писания, могла бы начинаться, скажем, вот с такого отрывка:

Но спроси хоть зверей —

И научат они тебя;

И птиц небесных, —

И они научат тебя;

Или поговори с землёю, —

И она научит тебя;

И рыбы морские —

И они возгласят к тебе. (Иов, 12:7-8)

Феминизм и глубинная экология

Имеются существенные параллели между темами работ некоторых феминистских авторов и общественных активистов и важнейшими нормами и принципами глубинной экологии. Ведь многие феминисты утверждают, что глубинная экология — это интеллектуальное выражение понятий и взглядов, известных большинству женщин в течение многих столетий.

Некоторые авторы-феминисты подвергают критическому рассмотрению основные положения доминантного мировоззрения. В частности, Элизабет Додсон Грей в своей работе «Утерянный зелёный рай» критикует взгляд на реальность как на «мужское» начало и миф о том, что природа и человеческое общество иерархичны.

Призывая нас наладить наши личные взаимоотношения, более глубоко исследовать то, каким образом доминантный образ мыслей в нашей культуре создаёт условия для эгоизма, конкуренции, абстрагирования и господства, предлагая услышать «голос природы» не ради каких-то человеческих выгод, а ради него самого, феминисты углубляют наше чувство удивления и наши устремления к творческой, ненасильственной, вдохновляющей общественной деятельности.

Три женщины разных поколений являются особенно яркими образцами культивирования экологического сознания посредством сложного выражения своих экологических воззрений, а также своей общественной деятельности на основе глубоких принципиальных убеждений: Мэри Остин, Рейчел Карсон и Долорес ЛаШапель.

Мэри Остин (1868–1934), автор «Земли, где мало дождей» (1902), «Немощной» и многих других книг, действие которых происходит в калифорнийской засушливой глуши, обладает свойством, которое её биограф называет «поражительной современностью в конце 20-го века». Остин была писательницей, натуралистом и феминисткой, разъяснявшей нашу вечную ответственность перед Землёю и нашу взаимосвязанность с Ней прекрасной прозой с глубоким проникновением в суть вещей.

“ «Если кто-нибудь изумится сначала, каким образом в таком пустынном, заброшенном месте, какое едва ли когда-либо ещё выходило из Божьих рук, могло оказаться так много жителей, что они здесь делают и почему не уезжают, то, пожив здесь немного, он перестанет удивляться. Никакое иное место не привязывает вас к себе с такой силой, как эта коричневая земля. Радужные холмы, нежные голубоватые туманы, сверкающая лучистая весна обладают очарованием лотоса. Они обманывают время; так что, живя здесь, вы постоянно намереваетесь уехать, не отдавая себе отчёта в том, что так и не сделали этого».

Мэри Остин «Земля, где мало дождей».

Рейчел Карсон (1907–1964) сочетала в себе современное научное образование в области биологии и экологии с глубинной экологической осмысленностью и восприимчивостью. В своих книгах «Море вокруг нас» (1950) и «На морском ветру» она воспевает собственную изначальную ценность океанов. Её тревожило то, что наука использовалась для дальнейшей эксплуатации морей как природных ресурсов. Для неё экология была признанием органического, взаимосвязанного и взаимодействующего значения всего живого в Природе. Она приводила классические сказки о смирении, скромности и внимательности к ритмам вне нас.

Наконец, своей книгой «Безмолвная весна» (1962) об экологических последствиях широкого применения пестицидов Карсон приняла активное участие в дебатах о государственной политике в отношении охраны и разработки природных ресурсов. Эту книгу, пожалуй, можно считать началом «Века экологии». Её готовность принимать участие в общественных дебатах вдохновило целое поколение общественных активистов на постановку важных вопросов касательно принимавшегося тогда как само собою разумеющееся мнения о

применении пестицидов и гербицидов. Кроме того, работы Карсон непосредственно повлияли на многих европейских экологов, включая и Арне Нейса.

“ «Управление природой» — выражение, полное надменной самонадеянности, родившееся в неандертальскую пору биологии и философии, когда считалось, что природа существует для удобства человека. Концепции применяемой энтомологии и их реализация на практике берут своё начало в этом каменном веке науки. То, что такая примитивная наука вооружилась наисовременнейшим, страшным оружием, есть большое, тревожащее несчастье; применив его против насекомых, она ведь тем самым применила его и против земли».

Рейчел Карсон, «Безмолвная весна».

Хорошим примером связи экофеминизма с глубинной экологией является творчество Долорес ЛаШапель, которая учит глубинной экологии и пишет о ней в Центре «Путь горы» в Силвертоне, Колорадо. Альпинистка, горнолыжница, писательница, сторонница обрядов, ЛаШапель посвятила свою жизнь восстановлению старых способов общения с природой. В предисловии к «Мудрости Земли» она пишет, что «самое лучшее общение называется любовью; когда оно разрушено полностью — это война. И нечто похожее на войну происходит ныне между человеком и землёю. И дело не в том, что Природа отказывает нам в общении, а в том, что мы больше не знаем, как с нею общаться. Тысячелетиями первобытные люди обращались к земле и всем её существам посредством ритуалов и фестивалей, в которых все уровни человеческого существа были открыты всем уровням Природы».

Учась на собственном опыте альпинизма и пеших горных походов, обучая других тай ши и барабанной дробью, излагая свои интеллектуальные взгляды в различных публикациях, ЛаШапель предпринимает первые шаги к восстановлению утраченного общения в нашем современном, повреждённом обществе.

Она проводит ритуалы единения с Землёю и пишет о смысле ритуалов в современных культурах, отчужденных от Земли. Она приводит интеллектуальное обоснование осуществления того, что Сьерра Клуб и другие реформаторские природоохранные группы более всего не желают признавать — воссоединения с Землёй, без которого никакая «информация» о кислотных дождях и исчезновении лесов не даст ощущения связи с нею, так необходимой ущемлённым современным людям.

Короче говоря, возникновение связей феминистов и экологов посредством конференций, коалиций с реформаторскими природоохранными и антиядерными группами, работ таких женщин как ЛаШапель, Карсон, Остин, а также Кэролин Мерчант, Анне Диллар, Сьюзен Гриффин и Элизабет Грей, показывает, что процесс исследования этих связей с глубинной экологией представляет собою очень мощную силу. Кэролин Мерчант исследует историю науки («Смерть природы», 1980) и вклад женщин в природоохранное/экологическое движение. В своём эссе «Феминизм и экология» она приводит законы экологии Коммонера и показывает очевидные связи между ними и

убеждениями феминисток.

Первобытные люди и глубинная экология

Великое море

Послало меня по воле волн

Оно качает меня

Как былинку в великой реке

Земля и великий шторм

Качают меня и

Уносят меня и наполняют

Всё внутри меня радостью.

Когда эскимосская женщина — шаман Увавнук поёт эту песню, по ней проходит интуитивное ощущение глубинной экологии, взаимосвязанности.

Когда глубинные экологи производят переоценку первобытных племён, включая разнообразные племена аборигенов Америки, они стремятся не к возрождению романтической версии первобытных людей как «благородных дикарей», а основы для философии, религии, космологии и практики охраны природы, применимых в нашем обществе.

Индейцы говорили о великом духе и воскрешали память о трогательном общении с землёю, о чувстве места. Чиф Сиэтл, к примеру, в своей знаменитой капитуляционной речи в 1851 году сказал: «Одно мы знаем наверняка. Земля сделана не для человека; человек сделан для Земли». Однако европейцы и интеллектуалы Запада слушали его не больно внимательно.

Сторонники глубинной экологии находят для себя много вдохновляющего в мыслях и восприятиях американских аборигенов. Как отмечает историк Дж. Дональд Хьюз в своей главе об «Индейской мудрости для сегодняшнего дня»: «Один из фактов, который мы неизбежно вынуждены констатировать, сравнивая индейское прошлое с нашим настоящим, заключается в том, что культура американских индейцев, основанная на осторожной охоте и сельском хозяйстве, согласном с их духовным восприятием, по существу сохранили землю и жизнь на ней».

Природные перемены, циклы, ритмы, землетрясения, мини ледниковые периоды — всё это влияло на место, где жили американские аборигены, но люди настойчиво придерживались своей духовной экологии. Ричард Нельсон в своей работе «Молитвы Ворону», посвящённой изучению естественной истории койюконов Аляски, говорит, что духовные представления аборигенов уводят нас в мифические времена.

“ «Всё окружающее персонифицировано, оно понимает, ощущает. Оно чувствует. Его можно обидеть. И с ним в любой момент нужно обходиться уважительно. Центральным положением мировоззрения койюконов является то, что естественный и сверхъестественный миры неразделимы; один

является внутренней неотъемлемой частью другого. Люди и природные сущности находятся в постоянном духовном взаимодействии и взаимном влиянии.

Аборигены Америки, так же как и другие первобытные племена могут научить нас почитанию земли — места бытия. Природу использовали — бобра, бизона и пр. — для поддержания жизни, но богатство конечных целей достигалось материальной технологией, которая была элегантной, утончённой, подходящей, и контролировалась в контексте традиционного общества.

Кроме того, аборигены Америки учат нас жизненности общинного строя, основанного на взаимной помощи людей и тесных связях с Природой. Современная, западная версия изолированных индивидуумов, навсегда конкурентных, агрессивных и не доверяющих друг другу — не «лучшее, что есть в человеческой природе».

Антрополог Стэн Стайнер приводит пророчество Хописа о том, что придут белые люди, уничтожат землю и себя самих. Индейцы пытались рассказать белым, как жить в мире и гармонии с Землёю, но белые не хотели или не могли их услышать. Стайнер объясняет базовую индейскую философию священного Круга Жизни: «В этом Круге Жизни каждое существо не больше и не меньше любого другого. Мы все — Братья и Сёстры. Мы делим жизнь с птицей, медведем, насекомыми, растениями, облаками, звёздами, солнцем. Чтобы жить в гармонии с природным миром, нужно жить в кругах жизни». Стайнер чутко присматривается к стремлению многих американских индейцев вернуться к старому образу жизни и защитить свои земли от усиливающегося индустриального разрушения.

Факты свидетельствуют, что первобытный разум находит всю совокупность антропогенных артефактов, таких как язык, общественная организация, нормы, одинаковые для всех значения, магию, — всё это он находит в мире первой Природы. Для первобытного ума не существует резкой границы между людьми и остальной природой. Многим глубинным экологами нравятся ритмы и образ жизни первобытных людей. Сторонники глубинной экологии не призывают «вернуться назад в каменный век», — они ищут вдохновения в первобытных традициях.

“ «...Культура американских индейцев, основанная на осторожной охоте и сельском хозяйстве, согласном с их духовным восприятием, по существу сохранили землю и жизнь на ней. ...Индейские концепции вселенной и Природы следует серьёзно изучать как действенные способы взаимоотношений с миром, а не как суеверные, примитивные или неразвившиеся ... Пожалуй, самое важное, что можно почерпнуть из индейского наследия, — это их почитание земли и всего живого... Нам важно учиться у природы, как это делали древние индейцы, прислушиваться к земле, восстановить своё мировоззрение посредством частого общения с естественным, а не созданным искусственно миром, с животными, с дикой природой... Традиционное мировоззрение индейцев

ценило людей, взаимосвязанные социальные группы, жившие в гармонии с природой...».

Дж. Дональд Хьюз «Экология американских индейцев» (1983)

Мартин Хайдеггер

*Когда ранний рассвет медленно,
Беззвучно поднимается над вершинами
Гор...
Затемнение мира никогда не закроет
Света Бытия.
Мы пришли слишком поздно, чтобы стать богами
Но слишком рано для Бытия.
Поэма Бытия, лишь только начинающаяся, —
Это человек.*

Мартин Хайдеггер

Мартин Хайдеггер сделал три вклада в литературу глубинной, перспективной экологии. Во-первых, он осуществил серьёзный критический анализ развития западной философии, начиная с Платона, и предъявил ей обоснованные обвинения. Он пришёл к заключению, что это антропоцентрическое мировоззрение проложило путь технократическому менталитету, породившему господство над Природой. Бытие — ключевая для Хайдеггера онтологическая концепция — было стеснено узкими рамками христианских троп или светской, гуманитарной, технологической философией Запада.

Во-вторых, Хайдеггер приглашал своих читателей на «опасное поле размышлений». По Хайдеггеру, размышление ближе к даосистскому процессу медитации, чем к западному аналитическому мышлению.

В-третьих Хайдеггер призывал нас жить аутентично на этой Земле, что совпадает с нашим призывом обитать в своём биорегионе, прислушиваясь к протекающим рядом природным процессам.

Винсент Вайсинас кратко перевёл смысл понятий «жить, обитать» по Хайдеггеру:

? «Обитать — не значит прежде всего населять некое место; это значит заботиться о нём и творить его, чтобы что-то в его пределах возвращалось к себе и процветало. Обитать, жить — это прежде всего спасать, в старинном смысле этого слова, то есть освобождать что-либо, позволив ему стать самим собою, тем, чем оно является по своей сущности ... Обитать — это проявлять заботу о вещах, так чтобы они существовали и возвращались к своему собственному изначальному состоянию...».

Хайдеггер призывал своих читателей отступить, «опрокинуть» наше обычное аналитическое мышление и воспользоваться силой нашей интуиции. Отступив назад, мы, быть может, откроем путь к освобождению Бытия.

Хайдеггер черпал интеллектуальное вдохновение у до-сократовских философов, которые, как он считал, были ближе к первобытной мысли, и у Природы, с которой он непосредственно общался, гуляя в полях и лесах вблизи своего дома. Создаётся впечатление, что он испытывал большие трудности, пытаясь объяснить рациональным философам и христианским теологам свой подход к мышлению. Современные экофилософы сталкиваются с той же проблемой, будучи ограничены только концепциями и языком западной философской традиции. К концу своей жизни Хайдеггер осознал, что голос поэзии более ясно выражает интуицию, чем формальная философия. Он пришёл к биоцентрической позиции, где люди «дают жить жизни».

МАЙКЛ ЦИММЕРМАН О ГЛУБИННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА

Хайдеггер утверждает, что «сущность» технологии не в технологических устройствах, а в том, что все существующие создания представляются человеку как объективное, предметное, исчисляемое, количественное сырьё, которое имеет ценность лишь постольку, поскольку оно может быть использовано для усиления человеческой власти и могущества. Хайдеггер говорит, что превращение всех существ в простое сырьё для человека является кульминацией истории западной цивилизации и философии, и в то же время триумфом нигилизма. Именно это сложное переплетение философии, технологии и нигилизма нам предстоит исследовать...

Этот [новый образ мыслей о живых существах] позволит человеку обитать в мире не как его хозяин..., суметь позволить любому живому существу в этом мире раскрыться во всем своём великолепии... Хайдеггер был согласен со многими из задач нового (экологического) сознания, включая желание прекратить бессмысленное расточение природы ради прибыли. Но он был более радикальным, чем большинство экологических мыслителей, продолжающих смотреть на человека как на «землевладельца» природы, в смысле его «права» манипулировать природой, если он не причиняет ей при этом слишком большого ущерба. При этом они всё ещё не видят, что важнейшая угроза технологического мировоззрения — не физическая, а духовная.

Традиции восточного духовного развития

Восточные источники включают работы по даосизму и буддизму. Современные глубинные экологи находят вдохновение, в частности, в классическом труде дао — «Дао те чинь» и в работах японского учителя буддизма 13 века Дёгена.

Восточные традиции выражают органическое единство, обращаются к тому, что мы называем традицией меньшинства, а некоторые традиции признают биоцентрическое

равенство. Более того, эти источники касаются и процесса возмужания, формирования зрелости, пробуждения от иллюзий и заблуждений.

Эти традиции оказали заметное влияние на американское интеллектуальное развитие. Эмерсона и Торо глубоко задевали восточные традиции, и через них эти традиции передались Мюиру. Восточное влияние увековечено в Америке 20 века в трудах Ф.К.С. Нортрапа, Д.Т. Сузуки, Элана Уоттса, Эллена Гинзберга, Пола Гудмена, Гарри Снайдера и многих других.

В 1950-е годы так называемые поэты — битники, такие как Гинзберг и Снайдер, начали переводить японскую и китайскую поэзию, основываясь на развитии своего собственного экологического сознания. Стихи и проза Дёгена, Чуан-Дзу, Хуа-Йена и других индийских, китайских и японских писателей — классиков были сняты с пыльных библиотечных полок, добыты из изолированных классов по восточной философии и китайской литературе и предложены группам людей, осуществлявших «настоящую работу» формирования своего экологического сознания.

В своей работе о труде «Саттва: просвещение для растений и деревьев в буддизме» для журнала «Козволюция», Уильям Р. ЛаФлёр делал такой вывод:

? «Цель здесь, конечно, состоит не в том, чтобы показать резкую дихотомию между Востоком и Западом. Ни человеческий ум, ни историческая точность не могут этого допустить. Но существуют взгляды и материалы ... которые могут помочь нам справиться с теми кризисами, которые мы имеем сегодня, и с нашим миром людей как на Западе, так и на Востоке».

Дзен гуру Роберт Эйткен Роши написал эссе «Ганди, Дёген и глубинная экология», в котором ясно показана связь между общественной деятельностью зрелого Ганди, медитациями Дёгена и взглядами и конечными нормами глубинной экологии.

Робинсон Джефферс

Робинсон Джефферс жил на калифорнийском побережье, у Биг Сур, большую часть своей долгой и плодотворной жизни. Он дал голос рекам, горам и соколам и ввел человеческие «достижения» двадцатого века в космический контекст. Люди со своими интеллектуальными системами, атомными бомбами, великими проектами стали «немножко слишком абстрактными, немножко слишком умными. Пришло время снова поцеловать землю». В своём стремлении к объективной истине он чётко отверг антропоцентрический субъективизм, или то, что он называл человеческим солипсизмом.

Взгляды глубинной экологии находим в формулировке религиозно-научного пантеизма, изложенной Джефферсом в 1934 году:

? «Я считаю, что вселенная — единое существо, все части которого — разные выражения одной и той же энергии, и они находятся в постоянном общении друг с другом, почему они и

являются частями одного органического целого. (Это, я полагаю, физика, но так же и религия). Все эти части изменяются и проходят, или умирают, — люди, и расы, и камни, и звёзды; ни одна из них не кажется мне важной сама по себе, — только целое важно. Это целое во всех своих частях так прекрасно, и я ощущаю его подлинность так интенсивно, что не могу не любить его и не считать его божественным. Сдаётся мне, что только это целое достойно самой глубочайшей любви; и что в обращении своей любви вовне, к этому единому Божеству, а не вовнутрь, к своему «я», или к человеческому воображению, к абстракциям — к миру духов, только в такой любви есть мир, и свобода, и, я бы сказал, некий путь спасения.

Я думаю, что это наша привилегия и блаженство — возлюбить Бога за Его красоту, не требуя и не ожидая любви от Него. Не мы важны для Него, — это Он важен для нас.

Я полагаю, что человек может сделать и свой вклад (пусть и совсем небольшой) в эту красоту, сделав красивой свою жизнь и окружающую его среду, насколько это в его силах и власти».

Один из критиков Джефферса назвал его «проповедником Спинозы 21 века». Его поэзия — это, собственно, психология чувств. Она переходит от радостных стихов, описывающих активные чувства человека, повышающего свою самореализацию как часть высшей Самореализации путём осознания себя как части всеобщности Бога/Природы, — к мрачной трагедии кровосмешения, убийства и других катастроф и несчастий, осаждающих тех, кто сгорает в порыве своих неодолимых страстей.

Джефферс увлекает людей в духовные поиски свободы во всей цельной Природе/Боге, от галактик до субатомных частиц, но прежде всего — в органическом мире своего непосредственного существования. Это становится ясным из его пояснений к одному из его самых любимых стихотворений — «Башня вдали от трагедий»:

«В этой поэме Орест отождествляет себя со всей божественной природой вещей: землёю, людьми, звёздами, горным лесом и бегущими с гор ручьями; всё это — одно существование, один организм. Он осознаёт это, так же как и то, что он сам — часть его, тождественен ему. Это восприятие — в его башне, недостижимой для трагедий; поскольку, чтобы ни случилось, великий организм останется навеки бессмертным и бессмертно прекрасным. Орест «влюбляется» не в человеческое существо, не по какой-то ограниченной причине, — он влюбляется во вселенское Божество. Вот в чём смысл моей поэмы».

Экологическое сознание более всего оживает именно в поэтическом ключе. Поэтические голоса Джефферса и Снайдера, которые так редко находим в современной поэзии, но так часто — в устной традиции первобытных людей, — это поток восхваления Природы/Бога и бытия.

Поэма Джефферса «Oh, Lovely Rock» из его «Избранного» (1938) иллюстрирует ту мысль, что смотреть глубоко и видеть глубоко — вещи совершенно разные. Мы можем начать видеть обычные вещи с необычной точки зрения.

О, КРАСАВИЦА-СКАЛА

Мы провели ночь в тесном ущелье Вентана Крик,
У восточного рукава этой речки.
Леса на скалистых обрывах и гребнях гор
Нависали над нашими головами — клёны, секвойи,
Лавр и дуб, земляничник, в плоть до высокой и стройной
Ели Святой Лючии, глядевшей поверх потока
На скользкие осыпи и обрывы.
Мы лежали на гравии, поддерживая небольшой костерок,
Чтоб не замёрзнуть. К полуночи всего пара тлеющих угольков
Рдела в прохладной мгле;
я подбросил охапку мёртвых листьев
В горячую золу и тлеющие угли,
примостил на них сухие щепки
И снова лёг. Возрождённое пламя
Осветило лица моего спящего сына
и его спутника, и вертикальное лицо
Стены огромного обрыва
Над ручьём. Лёгкие листья плясали в дыхании костра;
Виднелись стволы деревьев; но мой ум, мой взгляд
был очарован
Каменной стеной обрыва. Ничего странного: светло-серый
Диорит с парой косых трещин,
Отполированный до блеска бесконечными оползнями и
потоками; ни мха, ни папоротников,
лишь обнажённый камень...
Словно я увидел камень впервые. Словно я видел
Сквозь освещённую поверхность реальный, телесный
И живой камень. Ничего странного ... не могу
Рассказать вам, как странно: беззвучная страсть, глубокое
Благородство и детское очарование: судьба, текущая
Вне наших судеб. Она здесь, в горах, как
Серьёзно улыбающееся дитя. Я умру, и мои мальчишки
Проживут свою жизнь и умрут, и наш мир
Будет двигаться сквозь свои быстрые агонии
перемен и открытий
Этот век умрёт, и волки завоюют в снегу вокруг нового
Вифлеема: а эта скала всё будет здесь, серьёзная, подлинная,
Не пассивная: энергии —
Её атомы всё ещё будут возносить вверх всю её:
и я, множество прошедших веков назад,
ощущал её напряжённую реальность
с любовью и восхищением, —
Эту одинокую скалу.

Джон Мюир

Наследство, доставшееся глубинному экологическому движению от Джона Мюира, заключается в его понимании единственности Земли, его понимании науки как участницы процесса изучения, в том, как он выражал биоцентрическое равенство, и в его активной ведущей роли в решении вопросов государственной политики, влияющих на дикую природу.

Снова и снова движения реформатов и сторонников глубинной экологии возвращаются к воззрениям, выраженным Джоном Мюиром в цитируемых ниже отрывках:

“ «Пусть охотник-христианин пойдёт в господни леса и убьёт там любого зверя, или дикого индейца — и всё нормально; но пусть только предприимчивый представитель этих заранее обречённых быть жертвой пород направится в дома или поля и убьёт самого никчемного из этих прямоходящих богоподобных убийц — о! Это же ужасно! Это не принято, а со стороны индейцев — это зверское убийство! Не больно-то я симпатизирую всем этим нормам поведения эгоистичного цивилизованного человека, и если бы вдруг разразилась война между дикими зверями и Господином Человеком, я, пожалуй, стал бы на сторону медведей...

Нам говорят — мир был создан для человека. Предположение, не обоснованное никакими фактами. Существует многочисленный класс людей, у которых начинаются тяжкие приступы изумления, когда они обнаруживают что-нибудь — живое ли, или мёртвое, во всем Божьем мире, чего они не могут съесть или иным каким-нибудь образом употребить с пользой для себя ... Мало им Земли, — они претендуют и на небесную страну, словно они единственные обладатели души, для которой эта невесомая империя была спланирована...

Природа создавала животных и растения прежде всего, быть может, с тем, чтобы каждое из них было счастливо; она не сотворила всё сущее для счастья лишь одного. Почему же человек должен ценить себя выше, чем просто как бесконечно малую составляющую частицу одного великого целого творения? ... Вселенная была ба несовершенной без человека; но она также была бы несовершенной и без мельчайшего трансмикроскопического создания, которое существует за пределами восприятия нашего самодовольного знания и зрения».

В конфликте по поводу сооружения плотины в пределах Йосемитского национального парка, в том месте, что называется Хетч Хетчи, Мюир и его союзники видели более широкие последствия строительства этой плотины, в то время как её сторонники видели только узкий контекст обеспечения водою бурно развивающегося города Сан-Франциско.

В борьбе за Йосемитский парк Мюир был втянут, как он говорил «в политическое болото», и вынужден был позднее записать в своём дневнике: «Эти игры в политику бьют по самым основаниям справедливости». И всё же он предпринял прямые действия, поскольку считал такие действия необходимыми. В 1980-х годах дальнейшее запруживание и забор воды из реки Туолумн ниже Хетч Хетчи по-прежнему остаётся спорным вопросом.

В работах Мюира выражены его глубинные экологические принципы, однако ему было трудно писать для широкой публики о своём непосредственном опыте в Сьерре. Отношение к нему критиков демонстрирует продолжающуюся и сейчас дилемму для глубинных экологов. Трудность, по нашему мнению, заключается в разнице между узким определением рационального, разумного в современном западном мировоззрении и более глубоким объективизмом Мюира, Джефферса и восточными традициями, о которых говорилось выше.

Майкл Коэн в своём «Нехоженом пути» рассказывает о «штормовой проповеди» Мюира и о его трудностях с компромиссным политическим процессом в либерально-демократическом обществе, где «политика заинтересованных групп» означает «политику власти» (мобилизацию денег и электората для оказания влияния на законодателей посредством численности, а не принципов).

Наконец, Мюир вдохновил движение глубинной экологии, поставив важные вопросы, касающиеся его собственной жизни и жизни человеческого вида. Могут ли люди ограничить себя и повернуть вспять путь разрушения, проделанный во имя прогресса, экономическое развитие, основанное на эксплуатации, и войну против самой Природы? При жизни Мюира слово экоцид ещё не существовало, но он, конечно же, понимал и саму концепцию, и её следствия.

В 1875 году, проведя несколько лет в странствиях по Сьерре, исследуя ледники и горы и изучая всё возрастающее негативное воздействие выпаса скота на горных лугах, Мюир писал в своём дневнике:

“ «Я часто думаю, что человек сделает с горами. То есть, с их покровом, который он использует и разрушает. Вырубит ли он весь лес, чтобы строить из него дома и суда? И если да, то какой же будет дальняя, окончательная развязка? Приведёт ли человеческое разрушение, так же, как и природное — пожары, наводнения, лавины, — к высшему благу, к ещё большей красоте? Придёт ли лучшая цивилизация, в согласии с видимой природой, и будет ли вся эта дикая красота воспета поэтами? Следующее извержение вулкана, или ещё один ледниковый период сотрут с лица гор все цветы, и цветущие кустарники куда более эффективно, чем пасущиеся овцы. И что же будет тогда — каков человеческий вклад в судьбу этих гор?»

Дэвид Броуэр

Дэвид Броуэр более тридцати лет был в самой гуще реформаторской природоохранной политики. Сначала как исполнительный директор Сьерра Клуба (1952–1969), затем как основатель и президент «Друзей Земли» (1969–79), он играл активную роль в принятии важных государственных политических решений в отношении природных ресурсов США, в том числе в разрешении спора о плотине в Эхо Парке в начале 1950-х годов, в битвах по поводу плотин на реке Колорадо в Гранд Каньоне в 1960-х, в принятии законов о Национальной системе охраны дикой природы, о реформе Службы леса США, о создании Агентства по охране окружающей среды; он был активным участником многих мероприятий, конференций и действий, способствовавших интернационализации природоохранного

движения в 1970-х годах.

На государственной службе и в своём личном интеллектуально-эмоциональном развитии Броуэр демонстрировал иногда трудное взаимодействие между реформаторскими политическими действиями и более глубоким экологическим контекстом. Он основывал свою философию на глубинном экологическом утверждении Джефферса о том, что человек — лишь малая часть биосферы, а отнюдь не господин и повелитель всего сущего. И он часто говорил о «праве будущих поколений» людей и других существ на «здоровую окружающую среду».

В предисловии к работе «Это — американская земля» (1961) Дэвид Броуэр писал:

“ «Хотя Томас Джефферсон утверждал, что ни одно поколение не имеет права покушаться на свободу другого поколения, право будущих поколений познать свободу дикой природы быстро уходит. И оно не должно уйти совсем. Эту трагическую потерю можно предотвратить, если только мы сможем выработать более широкое понимание следующего: ресурсы Земли существуют не только для того, чтобы мы растратили их на свой комфорт, удовольствия или удобства одного-двух поколений, которые первыми научатся как их растратить; что часть этих ресурсов существует для того, чтобы их сохранить, и то, что наносит ущерб им, наносит ущерб и всему человечеству; что одним из таких ресурсов является дикая природа, в которой поток жизни, в мириадах её форм, течёт с начала времён, и человек с его технологиями никогда ещё существенно не прерывал его; что эта дикая природа стоит того, чтобы её охранять ради её собственного значения, как части природоохранной этики; что такая охрана есть ныне императив для цивилизации и всего человечества, независимо от того, знают ли об этом все люди или пока ещё нет».

Особый вклад Броуэра в движение глубинной экологии заключается в следующем. Во-первых, он показал, что вопросы экологии/охраны природы выходят за рамки политических партий, за рамки мнений экспертов — идеологов сохранения ресурсов, за рамки национализма. Во-вторых, в своих публикациях он нёс идеи глубинной экологии двум поколениям читателей.

В 1950-х годах Броуэр предложил создать широкую коалицию природоохранных групп. В 1980-х он взял на себя задачу объединения движения за мир с природоохранным движением. Он организовал несколько конференций «Судьба Земли» и стремился «пробудить экологическое сознание во всех слоях общества». Когда его спросили, думает ли он, что Мюир одобрил бы такое направление природоохранного движения, Броуэр ответил цитатой из Мюира: «Когда мы пытаемся вытащить что-нибудь само по себе, мы тут же обнаруживаем, что оно крепко связано совсем остальным во вселенной».

Через Сьерра-Клуба и «Друзей Земли» Броуэр помогал популяризировать идеи глубинной экологии, издавая прекрасные, выставочного формата книги о Торо, Мюире и Джефферсе. Он убедил Пола Эрлиха написать книгу «Бомба перенаселённости». Антологии, которые

Броуэр собирал из материалов конференций Сьерра Клуба по охране дикой природы в 1960-х, часто содержали важные идеи о биологическом равенстве и значении общения с дикой природой как жизненно важной человеческой потребности.

Наконец, Броуэр сделал ещё один вклад, поставив под вопрос некоторые положения современного доминантного мировоззрения, особенно о вере в неограниченные технологические возможности. Его собственная «конверсия», как он называл своё обращение в скептика в отношении неограниченного технологического развития началось с вопроса о размещении ядерного реактора в каньоне Дьявола на калифорнийском побережье. Прослушав выступления учёных на нескольких конференциях, он понял, что у них не было объективных, нейтральных ответов на технические проблемные вопросы, и что они вообще не поднимали этические темы. В течение двадцати лет Броуэр видел непрерывный обман, жульничество, манипулирование данными о реакторе в каньоне Дьявола; учёные совершали всё это, обслуживая корпоративные интересы гигантской компании коммунальных услуг. Далее, в политическом процессе, он видел бесконечные компромиссы и попытки «заключить сделку», которые позднее пришлось «выводить на чистую воду», по мере того, как провалы процесса принятия решений становились всё более и более очевидными. Всё это способствовало продолжающейся «радикализации» Броуэра — «самого выдающегося американского борца за охрану природы».

Итак, существует множество разнообразных источников формирования мировоззрения глубинной экологии. Группа идей, составляющих это мировоззрение, всё ещё совершенствуется благодаря дальнейшему осознанию мудрости традиций, рассмотренных в этой главе. Историки, философы, специалисты общественных наук могут внести свой вклад в формулирование аспектов глубинной экологии, вытекающих из этих традиций, и предложить пути культивирования экологического сознания и действия в рамках нашей культуры на основании принципов глубинной экологии.

Глава 3. Для чего дикая природа в атомный век?

“ Я собирался сказать, что в дикой природе заключается сохранение и защита мира... Жизнь заключена в дикой природе. Наиболее живое существо — самое дикое существо. Его присутствие освежает человека, когда это существо еще не приручено им. Если бы я задался целью воссоздать себя, я бы искал самый дремучий лес, самое бесконечное и мрачное болото. Я бы вошел туда, как в святая святых. Здесь заключены сила и сущность Природы. Короче говоря, все хорошее является невозделанным и свободным.*

Генри Дэвид Торо (1851)

Для сторонника глубинной экологии дикая природа — это ландшафт или экосистема, минимально испорченная вмешательством человека, в особенности разрушительными технологиями современного общества. Юридическое определение количества участков земли менее значимо, чем качество дикой природы данного ландшафта.

Познание дикой природы

Познание дикой природы или диких мест с глубинной экологической точки зрения является процессом 1)развития чувства пространства; 2)переопределения героической личности завоевателя земель в человека, полностью познающего природное место; 3) культивирования добродетелей скромности и сдержанности; 4) осознания того, как горы и реки, рыбы и медведи продолжают процессы собственной самореализации. Прототипичный результат активной встречи разума и дикой природы мы видим у Мюира после знакомства с горами Сьерра.

В начале 1870-х гг. после нескольких сезонов в горах, Мюир более полно осознал тот высший урок, что Природа является одним целостным живым организмом. Теоретически он верил в это и ранее. Сейчас он это пережил. Он писал: «Дикая природа в целом — это единство и взаимосвязанность, она живая и знакомая... камни могут быть дружелюбными, разговорчивыми, братскими... Ни одна частица не тратится понапрасну, она постоянно используется».

Интуиция единства Мюира повлияла на его исследование Природы. Для Мюира, как и для практических философов и современных экологов, целью науки было не только

классифицировать и манипулировать частями и кусками планеты, а объяснить что-то, исследовав его полностью. Будучи в большей степени глубинным экологом, владеющим экософией и экомудростью, Мюир смотрел в суть ландшафта, а не просто глядел на него. Он начал понимать кузнечиков; сосны и скалы воспринимались им не просто как отдельные объекты, а как взаимосвязанные сущности.

В своих исследованиях гор Сьерра Мюир пытался выразить свою интуицию в форме, приемлемой для современных ему материалистов-редукционистов. В начале он использовал метафору открытой книги, но затем нашел ее слишком статичной и привязанной к прошлому. Затем он попытался представить Природу как путь или несколько путей, но затем осознал, что настоящая дикая природа не имеет путей. Он понял, что следовал по пути, ведущему в никуда.

В ходе обширного исследования Сьерры, Мюир иногда брал с собой только хлеб, чай и куртку, чтобы греться во время гроз. Он любил грозы всех видов и знал их возможности. Он шел в свободно живущую Природу, к диким горным ландшафтам, рекам и долинам, «...не просто ради спорта или экскурсии, а чтобы открыть законы, которые управляют отношениями между человеком и Природой».

Такой подход к диким местам резко контрастирует с большинством современных мест отдыха — особенно так называемых «открытых мест отдыха», которые характеризуются легким доступом к определенному озеру или реке, комфортом и удобством для путешественника, особое значение придается оборудованию, такому как вездеходы или снегоходы.

Мы предлагаем, чтобы жизненной необходимостью для людей стала дикая природа, дикие места, — это сделает их более развитыми; но кроме наших психологических нужд дикая природа является средой обитания других существ, имеющих право на жизнь и свое процветание (неотъемлемая ценность). Таким образом, исходя из самореализации и биоцентрического равенства, вопрос дикой природы, как решение государственной политики и как опыт активного отдыха, является очень важным с точки зрения глубинной экологии.

“ «О защите окружающей среды ведется много разговоров. Мы должны это делать, так как окружающая среда поддерживает наши организмы. Кроме того, люди нуждаются в духовной поддержке, которую обеспечивают определенные виды местности. Процесс глубинного переживания является катализатором, переводящим любое физическое место — любую окружающую среду, если хотите — в близкую нам местность. Такой местностью является часть всей окружающей среды, которая вызывает определенные чувства. Если землю оценивать просто как ресурс для пропитания людей, то земля — это окружающая среда. Если же это ресурс, поддерживающий нашу человеческую природу, то земля является набором различных мест. К примеру, мы никогда не говорим о том, что мы знаем некую окружающую среду; мы знаем определенное место, которое мы

можем вспомнить. Мы скучаем по некоторым местам, мы помним то или иное место, его запахи и звуки, его вид, преследующие нас и которыми мы часто измеряем наше присутствие».

Элан Гуссов, «Чувство места» (1971).

Вопрос о дикой природе является частью более широкого вопроса: «Как нам жить и для чего?»

На вопрос экономиста по ресурсам «Почему не нужно пластиковых деревьев?» глубинный эколог ответит «Это абсурдно», или попытается показать преимущества выделения куска земли в качестве «выделенной дикой природы» в долларовом выражении. Но интуитивно он почувствует, что тут есть большее значение и важность качества окружающей среды, чем можно описать расчетами экономистов по ресурсам.

В нашем технократическом обществе существует много людей, которые разделяют это глубинное интуитивное осознание и признают важность опыта ритуального путешествия в дикую природу как в святое место. И это путешествие совершалось многими людьми разных времен и культур. Люди первобытных культур, жившие в экосистемах, привязывались к месту, жили рядом с дикими животными и понимали, что дух и материя неотделимы, — они переживали этот глубинное чувство местности.

Пол Шепард в своем эссе об ощущении местности описывает ритуальные путешествия австралийцев:

“ «При паломничестве, называемом прогулкой для общения, аборигены путешествуют в ряд названных мест, каждое из которых знакомо с детства и каждое является местом определенного эпизода в истории создания. Священные качества каждого места возвеличиваются в символических художественных формах и религиозных реликвиях. Это путешествие является во всех смыслах путешествием внутрь, в то время как миф является драматическим выражением событий внутренней истории. Для архива, где индивидуум одновременно движется сквозь свое личное и родовое прошлое, восстанавливая контакт с основными пунктами, путешествие во времени и пространства освежает значение его собственного бытия.

Это исследование включает оценку неживого, и для некоторых экспериментальное понимание того, что горы и реки также являются существами. Осознание гор является наиболее трудной концепцией, по меньшей мере, для современных людей. Памятная фраза Леопольда «думать как гора» вызывает это осознание. Перефразируя Леопольда, мы можем сказать: «Я мечтал думать как гора, но когда я просыпался, я не знал, был ли я человеком, думавшем как гора, или горой, думавшей как человек».

В своем знаменитом эссе «Сутра Гор и Рек», Дёген пишет:

«Что касается гор, существуют горы, скрытые в бриллиантах; есть горы, скрытые в болотах, горы, спрятанные в небе; есть горы, скрытые в горах. Есть изучение гор, скрытое в сокровище. Древний Будда говорил: «Горы есть горы, а реки есть реки». Следовательно, мы должны внимательно изучить эти горы. Когда мы внимательно изучаем эти горы, это горная тренировка. Такие горы и реки сами по себе спонтанно становятся умниками и мудрецами».

Возможно, без таких глубин сознания, о которых говорит Дёген, но с напором физического возбуждения, открытых мест и потока интуиции, современный путешественник по диким местам может следовать простым путем для достижения больших результатов.

Утверждения двух людей, исследовавших дикую природу и занимавшихся защитой дикой природы в государственной политике, заслуживают того, чтобы быть процитированными. Первая цитата — из описания Долорес ЛаШапель её катания на лыжах по снежной целине, вторая — воспоминания Дэвида Броуэра о путешествиях в горах Сьерра в 1920-х годах.

“ «Задолго до того, как я услышала о Мартине Хайдеггере... я пережила то, что он называет «хороводом посвящения», взаимоотношения четырех сторон: земли, неба, богов и смертных людей в моем мире походов на лыжах по девственному снегу — одна из немногих субкультур в современном индустриальном обществе, все еще открытая для всех этих четырёх составляющих единого...»

В подлинном «мире» смертные пребывают в единстве не только с небом, землей и богами; смертные также находятся в единстве друг с другом. Свобода, изящество и радость этого единения в «мире» девственного снега являются подарком небес: нетронутым снегом. Как реакция на земное притяжение — легкий спуск с горы — по откосам и формам земли автоматически прокладывает «дорогу», по которой нужно следовать; для опытных лыжников есть свой наилучший «путь», и все могут ехать на большой скорости, друг с другом и с землею... Так же, как при полете птиц по воздуху, нет лидеров и нет ведомых, все летят вместе; так же и лыжники вместе скользят без усилий по снежной целине, потому что они посвятили себя, чутко приспособились к земле и небу в своем «мире», и здесь нет никаких противоречий. Каждый человек свободен в выборе своего собственного пути».

Долорес ЛаШапель, «Мудрость Земли» (1978)

“ «Я — страстный сторонник пешеходных походов, дающих человеку ощущение большой, обширной дикой природы — такой, в которой вы можете пересекать перевал за перевалом, зная, что на другой стороне нет цивилизации, а все та же дикая среда. В дикой глуши вы постигаете то,

насколько важна жизнеспособность дикой природы. Должен быть достаточный буфер для поддержания сердца этой глуши свободным от влияния человеческих технологий. Таких больших территорий дикой природы мало, и они исчезают со скоростью миллион акров в год, в основном при помощи бензопилы. Только люди могут спасти дикую природу, больше никто».

Дэвид Броуэр, посвящение Джону Мюиру в книге «Ласковая дикая природа» (1968)

«Но мы живем, как говорил Торо, «в пограничной жизни», между первичным миром Природы и вторичным миром технократически-индустриального общества. И, продолжал Торо, вы никогда ничего не получите, но кое-что можете потерять. Поскольку некоторые люди стремятся укрепить свою власть над природой посредством массового строительства, ракетных систем и т.п., они могут потерять способность понимания или задумчивого и медитативного танца в удивительном мироздании. Даже упоминание об этом радостном удивлении и чувстве местности в среде узкомыслящих экономистов и материалистов звучит как ересь или сентиментальный бред.

Аргументы за и против охраны дикой природы обычно представляются в пределах рамок и ограничений традиционного мировоззрения.

“ «Только идя в одиночку, в тишине, без багажа, можно действительно достичь сердца дикой природы. Все иные способы путешествия суть пыль, гостиницы, барахло и пустая болтовня».

Джон Мюир.

Аргументы в защиту дикой природы в рамках доминантного общественного мировоззрения

Наиболее часто используемое юридическое определение дикой природы содержится в Законе «О дикой природе» от 1964 г.:

«Дикая природа, в отличие от мест, где человек и его творения доминируют в ландшафте, есть территория, где земля и ее сообщество жизни не вытаптываются человеком, где человек является гостем, который должен уйти». Дикая область в дальнейшем определена в этом Законе как «область нецивилизованной федеральной земли, оставленная в ее доисторическом виде без постоянного улучшения человеком, охраняемая и управляемая таким образом, чтобы сохранить ее природное состояние; область, которая (1) в основном подвержена только влиянию сил природы, а следы человеческой деятельности практически

незаметны; (2) предоставляет уникальные возможности для одиночества или примитивного, ничем не стесняемого типа рекреаций; (3) имеет площадь минимум пять тысяч акров или такую значительную площадь, которая делает осуществимой ее сохранение и использование в нетронutom состоянии; и (4) может также обладать экологическими, геологическими или другими чертами, имеющими научную, образовательную, пейзажную или историческую ценность».

В рамках юридического определения или его адаптации эти аргументы сформировались на политической арене США.

1. ЭКОНОМИСТЫ ПО РЕСУРСАМ СМОТРЯТ НА ДИКУЮ ПРИРОДУ (НО НЕ ВИДЯТ ЕЕ).

Идеология сохранения и развития ресурсов была определена как идеология, которая рассматривает Природу как материал для использования, потребления и развития человеком. Природа в первую очередь является хранилищем природных ресурсов для человека. Исконное право Природы, или духа местности, не имеет места в этой идеологии.

Признание определенных площадей или частей земли, рек, островов или океанов «официальной дикой природой» является костью в горле экономистов по природным ресурсам, которые поддерживают бурное экономическое развитие, основанное на узко понимаемых человеческих нуждах и потребностях. Когда дикая природа включается в расчеты этих экономистов по ресурсам, в стабильность вмешиваются некоторые несоразмерности. Защита любой области, как дикой природы, основывается на запутанных экономических аргументах. Различные цели не могут быть качественно сравнимы. Когда экономист пытается определить стоимость некоей области, добавляя доллары за использование снегоходов, рюкзаков, услуг индейских шаманов, использующих эти области для «производства лекарств», рыночную стоимость древесины, то товары с высокой рыночной стоимостью выигрывают. Как заключает Джон Родман, «когда места отдыха, красоты пейзажа, дикой природы и дикой среды обитания были учтены защитником природы как разновидности ресурсов, результат был не только в том, что роль дикой природы была сведена к некоей полезности, но также и в том, что в тело охраны ресурсов было привнесено нечто чужеродное, абсолютно не перевариваемое».

Даже экономисты по соцобеспечению, которые попытались использовать экономическую рациональность, чтобы защитить дикую природу, такую как свободное течение реки Снейк-Ривер в каньоне Хелл, штат Айдахо, в конце концов, не смогли защитить ничего, кроме деградировавшей концепции дикой природы. Джон Крутилла, к примеру, утверждает, что настоящая ценность должна определяться будущими выгодами. Он начинает с предположения, что Природа является невозобновимой, в отличие от предметов потребления, которые можно из нее получить (например, воду или дерево). Материалы могут заменять друг друга, но сама природная среда, которую можно признать дикой природой, остается постоянной или сокращается, если существующие области дикой природы переводятся в интенсивно управляемые «фермы деревьев», или если на нескольких реках Северной Америки строятся дамбы, или обширные экосистемы массово

подвергаются влиянию человека за короткий отрезок времени. В более экономически развитых странах по меньшей мере спрос на виды отдыха, связанные с дикой природой, будет возрастать, т.к. все большее число людей захочет побывать в областях дикой природы. Поскольку возможно найти замену материалам, получаемым из дикой природы, но трудно создать дикую природу, стоимость воспроизводства гораздо выше, чем прибыль от лесозаготовок в первичном лесу. Поскольку предполагается, что люди будут платить за пребывание в дикой природе в будущем, охрана на благо будущего делает возможным использование этих областей дикой природы для зон отдыха или добычи ресурсов в будущем с использованием более совершенной технологии, наносящей меньший ущерб природе.

Но этот аргумент в пользу дикой природы для меньших областей (меньше 10% федеральных земель в сорока восьми южных штатах США рассматривались на предмет признания их дикими землями) отвергался другими экономистами, утверждавшими, что цели получения удовольствия имеют меньшую ценность, чем потребительские товары. Отход от сиюминутной пользы, утверждали они, стоит денег, и Природа может воспроизводиться. Некоторые заявляют, что природная «наружность» может быть воспроизведена «так, что никто не заметит разницы».

Другой критик аргументов социальных экономистов в пользу дикой природы утверждает, что нет никакой неотъемлемой изначальной ценности в «редких» ландшафтах, и что «снабжение» природной средой подвержено воздействию технологии, в том смысле, то с её помощью люди могут манипулировать как биологическими процессами, так и информацией и смыслом.

Родерик Нэш, автор книги «Дикая природа и американский разум» разработал теорию «экспорта дикой природы», в которой более состоятельные люди в экономически развитых странах могут вкладывать деньги через определенные организации (такие как «Мировой фонд дикой природы») или тратя деньги на туризм на природе в третьих странах. Если туристы тратят деньги, чтобы увидеть диких животных в среде обитания, то заповедники должны быть превращены в более прибыльные организации, чем если в них выращивать скот, что менее выгодно в смысле окупаемости инвестиций.

Трудность, связанная с этим аргументом, все еще основана на определении охраны в рамках краткосрочной, узко понимаемой человеческой экономики. Если некоторые минералы найдены, к примеру, в природном заповеднике в Бразилии, который посещали туристы из США, (тратящими деньги на то, чтобы увидеть природу в первозданном виде), но добыча этих минералов может дать в 10 раз больше денег на мировом рынке, чем туризм, то экономически обоснованной является добыча этого минерала, даже если это нарушит среду обитания дикой флоры и фауны и значительно понизит доходы, связанные с туризмом.

В итоге, изначальная ценность дикой Природы не учитывается при расчетах разработки и охраны ресурсов. Не может быть постоянной уверенности в охране дикой природы и дикой жизни, пока это зависит от веяний в мировой экономике и мимолетных субъективных взглядов. В лучшем случае, некоторые из самых тяжелых ударов рынка по природе могут быть смягчены применением низких пропорций затрат и результатов при разработке. Но

допущения этой идеологии основываются на утверждении человеческого шовинизма. Даже расширенные утилитаристские аргументы, которые пытаются вывести долларовую стоимость чистого воздуха и воды, которые мы получаем из дикой природы на благо человека, предполагают, что Земля существует в основном для человеческого использования.

Точка зрения глубинной экологии на экономику природных ресурсов значительно отличается, поскольку затрагивает вопросы изначальной неотъемлемой ценности и права на справедливый уровень жизни. Следует создавать экономическую систему, совместимую с принципами глубинной экологии, но это находится вне сферы введения в глубинную экологию, являющегося целью данной книги.

Однако Е.Ф. Шумахер приводит пример того, что мы имеем в виду, когда противопоставляет традиционного экономиста тому, что он называет «буддийским экономистом». Буддийский экономист видит «сущность цивилизации не в множестве потребностей, а в очищении человеческого характера». И, продолжает Шумахер, «если материалист в основном заинтересован в товарах, буддист в основном заинтересован в освобождении... Изучение буддийской экономики может рекомендоваться даже тем, кто верит, что экономический рост является более важным, чем любые духовные или религиозные ценности. Это не вопрос выбора между «современным ростом» и «традиционным застоем». Это вопрос выработки правильного пути развития, срединного пути между материалистическим безрассудством и традиционной неподвижностью, короче, в нахождении «правильных средств к жизни».

Единственной приемлемой стратегией экономического развития является экоразвитие, стратегия, параллельная природным процессам специфического биорегиона, оставляющая обширные пространства свободными как нетронутую дику природы.

2. ДИКАЯ ПРИРОДА КАК НАЦИОНАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ.

В технократически-индустриальных обществах только несколько мест имеют извечную, символическую ценность и в некоторых случаях «охраняются» от массовых проектов по добыче природных ресурсов. В США такими местами являются Гранд-Каньон реки Колорадо, долина Йосемит, болота Флориды. Но все эти места были и являются объектами интенсивного влияния землепользования вне искусственных границ национальных парков — разработки шахт, поворота рек, добычи газа и нефти, строительства жилья, туризма и т.д.

Аргумент культурного олицетворения или национального наследия является более глубоким, чем аргумент экономистов, что земля «создаётся» людьми, ищущими личную прибыль и не имеющими никакой другой цели, кроме увеличения прибыли. Люди, отождествляющие себя с местностью, с долиной Йосемит или другой небольшой долиной или горой, могут говорить «наша река» или «наши горы» и могут противостоять запруживанию реки или строительству шахт на горе.

Мы ищем обновленного возбуждения любви к земле.

Мы оправдываем: то, что мы можем делать

Не всегда есть то, что мы должны делать.

Мы утверждаем: ныне от всех людей зависит,

Останется ли широкая нетронутая свобода,

Чтобы свидетельствовать о любви этого поколения к следующему.

Если мы хотим преуспеть в этом, мы должны пока что

Проявить чуть больше любви и к этому, и друг к другу.

Нэнси Ньюхолл, «Это — американская Земля» (1961)

Некоторые лидеры природоохранных организаций способствуют выделению некоторых областей, являющихся частью мирового наследия. ЮНЕСКО и Международный союз охраны природы посредством программы мировой биосферы утвердили эту концепцию, перечислив «значительные» области или места, в том числе национальный парк «Секвойя» в северной Калифорнии. Национальные правительства были уполномочены защищать эти места для будущих поколений граждан мира. Такие места были выделены по «требованию масс». Если достаточно людей в Конгрессе США лоббируют выделение данного места в парк политическими методами, то это место может быть сохранено от лесоразработок, строительства шахт и т.п.

Критики этого аргумента утверждают, что национальные и международные символы являются произвольными и легко могут меняться. Экономист по природным ресурсам Мартин Кригер в своей статье «Что плохого в пластмассовых деревьях?» представляет практическое руководство для разрушения чувства места. «Возможно, — пишет он, — что, манипулируя памятью посредством переписывания истории наново, можно прийти к новому пониманию окружающей среды. В итоге, мы можем создать искусственные среды путём замены и имитации. Чтобы создать замену, мы должны придать значимость новым объектам с помощью рекламы и социальной практики». Видение Кригера лишено чувства места. «Искусственные прерии и дикие места уже создавались, и нет причин полагать, что эти искусственные среды будут неудовлетворительными для тех, кто их использует и исследует... Нам придется осознать, что тот способ, которым мы общаемся с природой, обусловлен нашим обществом, которое становится все более чувствительным к вмешательствам извне».

Нечто похожее случалось уже во время правления администрации Рейгана в США, когда национальные лидеры взывали к символическим ценностям, таким как национальное энергообеспечение, национальная безопасность и экономический рост для манипулирования гражданами, вызывая у них страх «замораживания» ресурсов в регионах дикой природы.

Пропаганда современного мировоззрения господства человека и научного управления в обширных экосистемах означает власть тех, кто влияет на СМИ и образовательные институты в современных странах. Некоторые корпорации и мыслители Новой эры считают «прототипом завтрашнего сообщества» предприятия Диснея, построенные в болотах центральной Флориды, принимая их за визуальную цель государства, в котором ведущую роль играют корпорации, и в котором дикая Природа сведена до имитирующих приспособлений и пластмассовых аллигаторов.

Кригер определенно прав, указывая, что доминирующие учреждения современных обществ, включая церкви, корпорации с их способностью воздействовать на общественность постоянно повторяющимися рекламами, лидеров правительств и большинство школьных учителей и преподавателей колледжей, пропагандируют все большую и большую гуманизацию планеты. Когда дети с энтузиазмом отправляются на лето в компьютерные лагеря, вместо походов с рюкзаками по горам или сплава по рекам на каяках, то действительно маловероятно, что они окрепнут во время их взросления и формирования. Скорее, нам нужно поощрять те места активного отдыха, которые помогут ребенку и взрослому находиться в равновесии с Землей. Аргументы Кригера против дикой природы как культурного учреждения стремятся к тому, чтобы осветить проблему массового отчуждения многих горожан от чувства местности, и патологических элементов развития личности в технократически-промышленных обществах.

3. ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПЕРЕД БУДУЩИМИ ПОКОЛЕНИЯМИ (ВСЕХ СУЩЕСТВ, СКАЛ И ДЕРЕВЬЕВ).

В предыдущем разделе мы обсуждали мнение экономистов, полагающих, что охрана дикой природы выдвигает «стоимость возможности» для настоящего поколения и что дикая природа не может даже быть желаемой ни нынешним, ни будущими поколениями. Действительно, если у будущих поколений не будет дикой природы, они никогда не получат возможности ощутить дикую природу, и не будут переживать потерю дикой природы, что так травмирует многих представителей нынешнего поколения. Например, разрушение дикой природы в Восточной Африке может представляться будущим поколениям мало значимым.

Для глубинного эколога охрана свободного течения дикой жизни демонстрирует надежду и веру в то, что у людей есть будущее, и что люди выработают некоторые ограничения своего желания властвовать, господствовать и разрушать. Это означает, что глубинные экологи более уверены в будущем, чем многие лидеры современных стран. Оставим дикую природу такой, какая она есть, заповедником разнообразия видов и генетического наследия для будущих поколений людей, которые будут иметь возможность ощущать неиспорченную Природу. Этот взгляд выражен Дэвидом Броуэром в его введении к книге «Галапагосы: поток дикой природы». Беспокойство Броуэра заключается в том, что цивилизация является тонким наружным слоем биологического наследия человека. Он избрал в качестве Международного парка Земли Галапагосские острова в южной части Тихого океана, ставшие известными после их посещения Чарльзом Дарвином в 1835 г., где он нашел вдохновение для своей теории эволюции.

4. РАЗУМНОЕ РУКОВОДСТВО

Существует несколько вариантов разумного руководства, которые можно классифицировать четырьмя рубриками: Узкая христианская версия, Исправленная христианская версия, Мирская версия, основанная на гипотезе Геи, и версия Новой Эры/Конспиративной организации. Далее предлагается ответ с точки зрения глубинной экологии.

УЗКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ВЕРСИЯ

В узкой христианской версии дикой природе отводится мало места. Более того, человек считается главенствующим над другими видами и отличающимся от остальной Природы. Господство над Природой ограничивается только ответственностью пастуха. Пастух защищает «свое стадо», одомашненный скот от волков и койотов.

Этот распорядитель не только заинтересован в как можно большем увеличении краткосрочной прибыли от «своей земли». Он заинтересован в поддержке ресурсной базы. Он, конечно, может «повысить» продуктивность земли для человеческих целей или даже выращивать «генетически высшие» растения и «генетически высших» животных. Есть антропоцентрические причины для охраны границ или «экологических островов разнообразия видов» для этих растений и животных. Эти границы необходимы для здоровья биорегиона, от которого зависят фермеры. Более того, дикая природа является напоминанием о том, что природный мир является средой, «из которой произошел человек».

Таким образом, первичный мир Природы в понимании разумного управляющего является лишь фоном для людей, тогда как во вторичном мире высшей технологии люди имеют аристократическую ответственность как «управляющие Природой».

Во введении в книгу «Галапагосы: поток дикой природы» (1968) Дэвид Броуэр писал:

“ «Человек достаточно богат, чтобы исследовать всю землю, но он может это делать за счет органического разнообразия, существенного для того единственного мира, в котором он может жить... Человеку нужен Международный парк Земли для защиты на нашей планете того, что он еще не разрушил и того, что не должно быть разрушено. В этой деятельности все страны должны объединиться против одного реального врага — Безудержной Технологии. Для лучшего человека, который, мы надеемся, будет рожден через столетия и тысячелетия, необходимо спасти природные места, где на вопросы, которые однажды возникнут, всегда найдутся ответы».

Во время экологического бума 1970-х Дэвид Броуэр беспокоился о том, что недостаточно внимания уделяется охране дикой природы. Внимание фокусировалось на загрязнении и проблемах урбанизации. Но нежелание признать важность охраны дикой природы исходила и от тех, кто отстаивал реформу села.

Венделл Берри является красноречивым борцом против зла современного индустриального общества и сторонником возвращения к аграрной Америке, основанной на органическом экологическом земледелии. В своей книге «Встревоженная Америка» (1977) Берри одним из первых определил экологический кризис прежде всего как кризис характера и культуры. Но, сосредоточиваясь на джефферсоновской аграрной модели, он не видит экологической необходимости в больших регионах дикой природы.

Берри представляет замечательную критику организаций, поддерживающих природоохранные реформы, таких как Сьерра-Клуб, за их аристократическое высокомерие в желании охранять дикую природу как «пейзаж» и как место для проведения отпуска и пикников для горожан. Эти антропоцентрические причины просто увековечивают индустриальный образ жизни и недостаток близости к земле и чувства местности в современной Америке. Но Берри упускает глубинные экологические основания для охраны дикой природы, поддерживаемые Джоном Мюиром и современными экологами, такими как Пол Эрлих.

Берри является в значительной степени последователем традиции христианского управления природой, когда утверждает, что земля должна «использоваться» человеком. Хотя он и полагает, что мы должны учитывать «благо всего мироздания, мира и всех его созданий», он также считает, что мы не можем сохранить «больше, чем малую часть земли в диком состоянии». Но дикая или близкая к ней природа необходима как среда обитания для всех диких созданий на Земле. Берри, очевидно, не видит этого несоответствия, и ему недостает глубинного экологического знания.

Святого Бенедикта часто цитируют как идеолога узкого христианского управления природой. Рене Дубос в книге «Бог в душе» (1972) описывает бенедиктинское управление:

“ «Бенедикт Нурсийский... может считаться святым покровителем тех, кто верит, что подлинная охрана природы означает не только ее защиту от человека, но также развитие человеческой деятельности в поддержку творческих, гармоничных отношений между человеком и природой... В первой главе Евангелия говорится о господстве человека над природой. Правление по Бенедикту, казалось бы, напротив, следует из второй главы, в которой Господь поместил человека в сад Эдема не как хозяина, а скорее в духе разумного руководства. В течение всей истории ордена бенедиктинцев его монахи активно вмешивались в природу — как фермеры, строители и ученые... Святой Бернанд полагал, что обязанностью монаха является работа в качестве Божьего партнера по улучшению его творения, или, по меньшей мере, в придании ему более человеческого выражения. В его писаниях подразумевается мысль, что труд, как и молитва, является тем, что помогает в воссоздании рая из хаоса дикой природы».

ИСПРАВЛЕННОЕ ХРИСТИАНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Исправленная христианская версия управления предлагает, чтобы уважались права всех божьих созданий.

Например, Джереми Рифкин назвал «второй христианской Реформацией» радикальную переоценку доктрины управления, основанную на экологических принципах разнообразия, независимости и децентрализации:

“ «Эксплуатация подменяет представление о прогрессе, управление подменяет собственность, обучение подменяет инженерное искусство. Биологические ограничения как производства, так и потребления признаны. ...Если христианское сообщество не примет концепцию управления из Нового Завета, то представители корпоративных интересов и интересов правого крыла могут подхватить возникающий религиозный пыл и неустанно эксплуатировать его».

Эта версия управления близко подходит к идее глубинной экологии, предусматривающей необходимость обширных областей дикой природы.

ГИПОТЕЗА ГЕИ

Третья версия управления, представленная Джеймсом Лавлоком, основана на гипотезе Геи (Земли как живого организма) и «...утверждает, что физические и химические условия поверхности Земли, ее океанов и атмосферы были и являются подходящими и комфортными для жизни. Это противопоставляется традиционной идее, что жизнь приспособилась к условиям на нашей планете, и что они развивались отдельными путями».

На протяжении последних трехсот лет пропорция человеческого вида и его одомашненного скота в общей биомассе значительно возросла. Загрязнение природы человеком и вмешательство в биорегионы (такое, как сплошная вырубка тропических лесов) разрушает тонкий гомеостаз Земли. Лавлок предполагает, что некоторые части организма Земли являются «жизненно важными органами», которые, будучи разрушенными, могут привести к сбою жизнедеятельности всей Земли (Геи). Люди, утверждает Лавлок, должны жить в Гее как мудрые правители, ограничивая деятельность, влияющую на ее функционирование. Он заключает:

“ «Таким образом, кажется, что принципиальные опасности для нашей планеты, исходящие из деятельности человека, могут не быть особенным и единичным злом в его урбанизированном промышленном существовании. Когда урбанизированный человек делает что-либо экологически вредное, он замечает это и стремится это исправить. Действительно критические области, которые нуждаются в тщательном отслеживании — это тропики и моря вблизи берегов континентов. В этих регионах, где наблюдения ведутся мало, существует опасность непоправимых изменений до того, как опасность будет обнаружена; в этих регионах, скорее всего, могут появиться неприятные сюрпризы. Здесь человек может истощить жизнеспособность Геи, сокращая или устраняя ключевые виды из ее системы жизнедеятельности; он может осложнить ситуацию, выпуская в атмосферу чрезмерное количество веществ, которые являются

Лавлок кажется чересчур оптимистичным, говоря о возможности индустриального человека решать свои проблемы. «Мудрое хозяйствование», или мудрое управление Землей требует, чтобы обширные регионы были оставлены в качестве пограничных областей. Зонированные или выделенные как «международные природоохранные регионы Земли» или «природные заповедники», эти области будут границами урбанистического промышленного развития.

Философ/эколог Джон Филлипс дает краткое описание этого подхода:

“ Биосфера как единое целое должна быть зонирована для защиты ее от влияния человека. Мы должны строго разграничить урбанистически-индустриальную зону, производственную зону (сельское хозяйство, скотоводство, рыбное хозяйство), увеличить компромиссную зону и значительно увеличить защитную зону, такую как дикая природа, реки в природном состоянии. Просторы прибрежных областей и дельт рек должны включаться в защитную зону, вместе с лесами, прериями и разнообразными типами сред обитания. Мы должны понять, что многоцелевые компромиссные зоны, с их шахтами, лесоразработками, выпасом скота и отдыхом в национальных лесах, не являются заменителями научных, эстетических и генетических ценностей защитной зоны. Такое зонирование, проведенное вовремя, может быть единственным способом ограничить разрушительное воздействие нашего технократически-промышленно-сельскохозяйственно-делового комплекса на Земле.

ВЕРСИЯ УПРАВЛЕНИЯ НОВОЙ ЭРЫ/КОНСПИРАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Четвертый вариант разумного управления — это версия Новой эры/Конспиративной организации, в которой аргумент разумного управления доведен до логического предела. Для приверженцев этой позиции не существует буквально никаких этических ограничений манипулирования человеком биосферой. Земля не принадлежит Богу, а люди не являются доверенными лицами царства Божьего. Единственные ограничения — технические, политические и экономические (недостаток капитала для нового строительства).

Некоторые области на Земле, возможно Антарктика или бассейн Амазонки, могут временно быть выведены за пределы всяких ограничений, чтобы допустить массивную интервенцию людей (сплошные вырубki леса Амазонки, к примеру), до того времени, пока управляющие разработают пути продуктивного «управления» этой областью для человеческой экономики и разработают технологию добычи. Например, некоторые представители промышленности, выступая за разработку минеральных ресурсов в континентальном шельфе США, заявили, что им нужна территория для разработки минералов, но у них не будет технологии, чтобы «разрабатывать эти ресурсы» как минимум до 2000 г. При этом подразумевалось, что эти ресурсы стали бы разрабатываться, когда на рынке возник бы спрос, появился бы капитал для бурения и «стали бы в строй» эти технологии.

Основной метафорой Новой эры является Земля как космический корабль и технологически оснащённые люди обречены «совместно пилотировать» этот корабль. Тейяр де Шарден утверждал, что целью людей этого поколения является «ухватить рычаг творения».

ГЛУБИННАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ НА ИДЕЮ РАЗУМНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Глубинная экологическая реакция на исправленную христианскую версию управления и на версию Лавлока сводится к согласию с отдельными аспектами на практических, но не на философских основаниях. В предложении Лавлока большие площади Земли должны быть исключены из дальнейшего массового использования человеком. Полярные области, бассейн Амазонки, обширные дельты рек, прибрежные области континентального шельфа, и, возможно, большие горные системы Земли могут быть выделенными областями дикой природы. Не будут разрешаться никакие эксперименты по изменению погоды, свалка ядерных отходов, вырубка тропических лесов, строительство плотин в бассейне Амазонки или массовые и разрушающие проекты добычи минералов. Морская среда и планктон вокруг Антарктиды могут быть признаны зоной дикой природы для охраны цепи питания, зависящей, по убеждению экологов, от этой морской области.

Если границы определить достаточно широкими, то прибрежная, или приречная среда обитания, большая часть всего разнообразия экосистем от гор до пустынь будет иметь строгую юридическую защиту от лесоразработок, сельского хозяйства или энергетических проектов. Большая часть юго-запада США, которая сейчас считается не имеющей дорог, может быть официально признана территорией дикой природы.

Одно основное философское расхождение с позицией разумного управления состоит в том, что она все еще включает идею действенной рациональности — узко утилитарный взгляд — природных ресурсов в первую очередь на пользу человеку, и не отличает жизненно важные человеческие нужды от простых желаний, эгоистической заносчивости и авантюризма в технологии («если у нас есть технология, давайте ее использовать»).

Между тем зонирование можно поддержать, признавая при этом, что в долговременном аспекте зонирование национальными и международными агентствами не согласуется с традицией меньшинства, в соответствии с которой местные сообщества (биорегиональные по природе), оценивающие и уважающие жизненно важные нужды других живых существ, принимают решения на основе консенсуса.

Для приверженцев глубинной экологии, однако, наиболее разрушительным аспектом в доводах разумного управления является продолжительное радикальное отделение человека от дикой природы (дикой Природы, потока дикой Природы). Во всех версиях он является антропоцентрическим и дуалистическим. «Мы вышли из первичного мира Природы», — говорит разумный управляющий, — и никогда не сможем вернуться обратно к своему месту с трепещущим духом». Не существует нормы биоцентрического равенства. Главное, что подразумевается под «дикой природой» — оставлять все меньшие и меньшие области дикой природы в рамках государственной политики, в то время как у нас есть все больше и больше технократически-промышленных «решений» для противоречий и завихрений экономики.

5. ИМПЕРАТИВ ЭКОЛОГА — ОХРАНА СРЕДЫ ОБИТАНИЯ ДРУГИХ СУЩЕСТВ.

Как было отмечено в предыдущих разделах, экологи предупреждают нас о беспрецедентных темпах исчезновения видов, связанных с массовым вмешательством человека в их среду обитания. Эта тревога по поводу истребления видов теперь широко признана. Были предложены различные программы для защиты биологического разнообразия и разведения отдельных видов. Но охрана среды обитания, или охрана дикой природы, является единственно возможным способом сохранения естественного развития дикой природы, разнообразия видов, генетического разнообразия и продолжения эволюции видов в пределах среды обитания. Разнообразие видов и процессов эволюции не может осуществляться посредством содержания растений и животных в зоопарках и лабораториях. Вековые леса необходимы для выживания многих видов и поддержания генетического разнообразия.

Биоцентрическое интуитивное понимание того, что виды имеют право на существование и следование своим собственным эволюционным путем, законодательно утверждено в США «Законом об исчезающих видах» от 1973 г. Этот закон был яростно атакован теми, кто поддерживает идею, что Земля существует для блага человека. Но «Закон об исчезающих видах» все же имеет существенные ограничения. Этот закон включает сложные процедуры признания видов исчезающими, хотя и отвергает узкий подход экономистов, проводящих анализ затрат и результатов для каждого вида. Тем не менее, он включает концепцию баланса между нуждами человека и охраной среды обитания видов. Экологи, которые хотят защитить калифорнийского кондора или улитку, должны обосновать охрану их среды обитания землевладельцу, основываясь на принципе равенства и баланса между экономическим ростом и охраной «бесполезных» видов. Экономичная экология в рамках доминирующего мировоззрения ведет либо только к технократическому решению (скажем, программе разведения кондоров в неволе) или к невмешательству (позволяя некоторым видам флоры и фауны дойти до полного исчезновения).

Непомерное вмешательство в природные процессы привело другие виды на грань вымирания. Глубинные экологи уверены, что баланс давно уже перевешивает в пользу человека. Сейчас мы должны вернуть его обратно, чтобы защитить среду обитания других видов.

Защита дикой природы и прилегающих областей — это императив. Если первобытные люди жили в устойчивых сообществах десятки тысяч лет без ослабления разнообразия экосистем, то современное технократически-промышленное общество угрожает каждой экосистеме Земли и может даже привести к решительным изменениям погоды в биосфере в целом. Технократически-индустриальное общество перемещается в такие области планеты, где никогда прежде не жили люди, в том числе океаны и Антарктика. Тропические леса в Азии, Африке, Южной и Северной Америке, Океании и Австралии подвергаются беспрецедентной атаке технологии и планов эксплуатации и разработок. Тропические влажные леса содержат большее биологическое разнообразие, чем любой другой тип экосистем на Земле. В «Одиннадцатом ежегодном экологическом отчете президенту» (1980) сделан следующий

Вывод:

? «Наиболее серьезной угрозой биосфере является быстрое исчезновение тропических лесов. Во многих тропических лесах почвы, территория, температура, уровень осадков и распределение питательных веществ находятся в неустойчивом равновесии. Если эти леса подвергаются обширным вырубкам, ни деревья, ни продуктивные травы не вырастут снова. Даже там, где условия более благоприятны для их роста, масштабные вырубки разрушают экологическое разнообразие тропических лесов. Эти леса являются средой обитания для богатейшего на Земле разнообразия видов растений и животных».

Охрана дикой природы необходима для сохранения процесса формирования вида, течения жизни дикой природы и собственно природного эволюционного процесса. Защите дикой природы нет альтернативы. Зоопарки, ботанические сады, искусственное осеменение и программы выращивания исчезающих видов, малые доли парков, окруженные широкомасштабными индустриальными процессами или шахтами, генные банки, где содержатся замороженные гены исчезающих видов для возможного будущего использования, программы выведения в неволе являются абсолютно неудовлетворительными для задачи охраны биологического разнообразия.

В США различные законы, связанные с дикой природой, отводящие государственные земли под зоны дикой природы, были приняты Конгрессом в 1970-е и 1980-е гг. Все они являются слабым компромиссом. Границы выделенных областей дикой природы в большей степени являются политическим делом, чем служащими охране целостности вековых лесов, пустынь и других типов экосистем. Более широкие предложения по дикой природе для Северной Америки, сделанные природоохранной группой «Земля — прежде всего!», дают реалистическое основание начать реальный процесс защиты дикой природы на этом континенте. Реформаторские природоохранные группы должны признать, что «проблема дикой природы» не решается методом принятия компромиссных, слабых и неадекватных законодательных актов Конгрессом США.

Пока общепринятые современные идеи изменятся в направлении глубинной экологии, наибольшим приоритетом для усилий природоохранных реформаторов, пожалуй, является защита дикой природы. Биологи, антропологи, почвоведы и другие специалисты начинают осознавать, что они должны лоббировать на политической арене охрану среды обитания. Во многих случаях популяции животных или растений, природные процессы и даже примитивные человеческие племена, которые они изучали, были уничтожены ещё прежде, чем они завершили свои исследования. Дайан Фосси, автор книги «Гориллы в тумане» (1983), к примеру, отметила полное уничтожение одной группы, которую они изучали, в результате усилий по отбору особей. Анна Эрлих комментирует эту деятельность: «Отмечено, что только часть детенышей, захваченных таким образом, доживает до зоопарка места назначения, и каждый успешно отобранный представитель стоит жизнью от десяти до двенадцати горилл и уничтожения нескольких семейных групп».

Если об Африке много и подробно пишут, то угроза для морской среды обитания менее заметна. Судьба больших китов привлекла широкое внимание во всем мире, но международные организации, такие как Международная комиссия по промыслу китов,

продолжают предлагать слабые альтернативы полному запрещению китобойного промысла.

Для всех океанов мира существуют колоссальные проблемы, связанные с загрязнением, рыболовной индустрией, разработкой полезных ископаемых. Установление администрацией Рейгана 200-мильной «исключительной экономической зоны» вокруг территории США без адекватного анализа с точки зрения охраны морской среды, вызвала тревогу у многих специалистов-экологов. В Австралии глубинные экологи продолжают настаивать на охране остатков тропических лесов в Новом Южном Уэльсе и Квинсленде, и защите Большого Барьерного Рифа.

Ученые, работающие в Антарктиде, заключают, что хрупкие экосистемы разрушаются людьми, строящими аэропорты, научно-исследовательские станции и другие объекты. Многие ученые, проводившие исследования Антарктиды, как и экоактивисты, работающие в экологических группах, таких как «Гринпис» (сформированных в 1960-е гг.) активно работают со странами, подписавшими Соглашение об Антарктике, чтобы установить область дикой природы на континенте и прилегающих морских водах.

Вся сила национальных законов, международных соглашений и усилий ООН должна быть направлена на охрану областей дикой природы. В принципе, не должно быть разрешено никакое массовое строительство. Биорегиональное развитие, служащее жизненным потребностям местных жителей, не снижающее биологического разнообразия и природных процессов, является единственным видом развития, которое согласуется с охраной и естественным течением жизни дикой природы.

Недопустимы никакие ядерные испытания или захоронения отходов ядерных реакторов в областях дикой природы, на земле и в воде. Необходимо прилагать эффективные усилия для радикального сокращения кислотных дождей, вызываемых технократически-индустриальным обществом.

Для обеспечения равновесия, за биоцентрическими принципами должны следовать решения государственной политики, влияющие на биологическое разнообразие, охрану дикой природы и экономическое развитие.

Глава 4. Взгляд глубинной экологии на природопользование

Основные предложения

В этой главе предлагается альтернативный подход, предложенный экономистами по ресурсам, и нынешние версии идеологии охраны ресурсов.

Наш первый принцип заключается в том, чтобы поддерживать агентства, юристов, владельцев имущества и управляющих в их стремлении позволять природным процессам развиваться своим чередом, а не влиять на них силовыми методами. Во-вторых, в решении практических ситуаций мы предпочитаем работать в традициях местного меньшинства, сообщества, особенно биорегиона.

Одним из направлений критики того, как сейчас применяется научное управление, является внимание к построению «абстрактных моделей», которые по нашей оценке имеют слабое отношение к специфическим местным ситуациям. Например, Служба леса США пыталась разрабатывать и внедрять методику принятия решений посредством установления целей для каждого леса. Эти цели являются «товарной продукцией» за некоторый временной период (обычно за десять лет). Компьютерная модель («Форплан») вводит данные, собранные при помощи пробных методик, добавляет многочисленные сомнительные допущения и производит выходные таблицы, говорящие управляющим, сколько квадратных или кубических футов деревьев можно спилить, чтобы достичь заданных результатов. Такое абстрагирование от Природы является опасным и небрежным подходом и внушает управляющему иллюзию того, что все значимые переменные находятся под контролем. Нам нужно серьезно принять принцип экологов, гласящий, что Природа является более сложной, чем мы знаем сейчас, и возможно более сложной, чем мы сможем когда-либо узнать.

Это не значит, что мы не видим определенной ценности в сборе научных данных, но это должно быть адресовано какому-то определенному месту, долине или биорегиону. Многие первобытные народы были замечательными знатоками естественных процессов, они определяли погоду, наблюдали тенденции смен времен года, привычки диких зверей и т.д. Наука и технология могут помочь, но они не заменят такой вид природной мудрости.

Это знание служило жизненным нуждам людей для добывания пищи, материалов для строительства жилья и т.д.

Справедливое управление также может сочетаться с философией даосизма и образом жизни, в рамках которого человеческая деятельность скорее включается и развивается вместе с большими циклами Природы, чем пытается в большом масштабе переделать Природу, чтобы реализовать грандиозные проекты и прихоти человека.

Мюир считал национальные леса местами, где естественный ход Природы охраняется от разрушения растущей промышленной цивилизацией. Когда он увидел планы Пинчота, которые внедрялись для эксплуатации национальных лесов как товарных источников экономического роста, он перешел к концепции национальных парков, где должна преобладать дикая природа. Возможно, иронично звучит то, что в США почти каждый национальный парк подвергается угрозе от посягательства промышленной цивилизации. В то время как экологи, такие как Пол Эрлих, призывают к обширным, лишенным управления диким экосистемам, как необходимости для человеческого выживания, Служба леса начала общественную кампанию с помощью своих памфлетов и других средств, чтобы заставить общественность принять «лесные фермы» вместо национальных лесов. «Всегда ли права Природа?», спрашивает один из памфлетов. «Природа часто функционирует медленно и неповоротливо, что не всегда эффективно» и «природный рост дает в результате переполненную случайную смесь». Лесничий может дать Природе руку помощи, чтобы обеспечить рост лесных ресурсов для возрастающих нужд человека.

Основным принципом этого, в терминах регулирования «руками», возрастающее интенсивное управление приводит к непреднамеренным последствиям, которые воспринимаются управляющими и основной частью общества, особенно участникам движения охраны природы, как реальные и серьезные проблемы. Обычным подходом, однако, считается искать более интенсивное управление, которое порождает еще более серьезные проблемы. И каждая из этих проблем рассматривается в отдельности, с отдельными экспертами и группами интересов, говорящими друг с другом, преодолевая раздоры в технических словарях, тайных планах и узких идеях, порожденных их собственным эгоизмом.

Исключительным примером такой ситуации, подробно зафиксированной историками, экологами и правительственными агентствами, является Центральная долина в Калифорнии, где интенсивная агроиндустрия, ставившая своей целью «накормить весь мир», сегодня создала нездоровую, почти непригодную среду для многих жителей долины. Массовое строительство, призванное доставить большие объемы воды на большие площади, вызвало опустынивание, загрязнение воздуха и воды, нарушение системы подземных вод и разорение рыбной фауны залива Сан-Франциско и дельты реки Сакраменто.

Альтернативы могут быть найдены в этике Земли Олдо Лепольда, которую он возводит в основной принцип для поддержания целостности природных процессов. Земля — птицы, растения, почва, и т.д. — включается в сообщество вместе с людьми, учет человеческих нужд делается в контексте нужд самореализации других видов. Как индивиды, так и сообщества организмов и экосистем учитываются при принятии решений.

Например, когда выясняется, что предложенный проект угрожает редким или исчезающим видам, проекту придается гораздо более осторожная оценка. Смягчение эффекта

посредством изъятия особей или их яиц из гнезд, выращивание их в неволе или замораживание их генов для будущих поколений не являются приемлемыми альтернативами.

Убийство оставшихся китов, чтобы «удовлетворить пищевые нужды» или «нужды в рабочих местах» для нескольких людей за несколько лет китобойного промысла не является приемлемой альтернативой. Более того, экологи и другие специалисты, заинтересованные в сохранении диких видов, не должны решать проблемы рабочих мест, урбанизации, промышленности с целью защиты других видов. Специалисты по охране природы не являются противниками создания рабочих мест, как порой заявляют их оппоненты, но они защитники рабочих мест, которые благоприятны для экологии.

«Не делать»

Многие специфические цели сохранения среды обитания других видов, согласующиеся с биоцентрическим равенством, выражаются фразой «пусть река течет», где «река» включает более широкое определение жизни — не только человеческое население или даже деревья вдоль реки, но всю экосистему текущей энергии. Другой взгляд на управление, согласующийся с ключевым лозунгом Нейса, «простой по средствам, богатый по результатам» — это лозунг «не делать».

Например, хорошо зафиксировано, что огромные области американского Запада были чрезмерно вытоптаны пасущимся скотом за последние сто лет, так что возможность пастбищ поддерживать определенное поголовье скота значительно снизилась. Но федеральные субсидии в форме низкой платы за выпас скота (по сравнению с платой за выпас на частных землях) и разрешение скотоводам (под давлением политиков) продолжать выпасать скот на вытоптаных пастбищах, в стадах, слишком больших, чтобы поддерживать их на должном уровне, привело к увеличению этой проблемы.

Простое решение «не делать» означает прекратить федеральное субсидирование и запретить использование государственных земель для выпаса скота до уровня, согласующегося с восстановлением лугов, как это оценивалось профессиональными экологами. Второе простое решение «не делать» — это законодательство Конгресса США о Больших Барьерных островах. Многочисленные острова вдоль границы Атлантики и Мексиканского залива известны своими неустойчивыми богатыми живыми формами, а также желанием людей строить здесь летние дома и привнести коммерческую цивилизацию. Одним из способов защитить врожденные ценности и человеческие ценности по доставлению удовольствия на некоторых из этих островов является организация национальных парков или заповедников дикой природы по стоимости приобретения частных земель.

Однако, решением «не делать» в данном случае было убрать все правительственные финансовые субсидии для построек на Барьерных островах — никаких средств на постройку дорог, школ, канализаций, пристаней, никаких правительственных субсидий или гарантий для страхования от ущерба, нанесенного ураганами (основной вопрос, поскольку ураганы

часто свирепствуют на этих островах). Правительство заявило, что оно не будет выделять средства для помощи людям восстановить свои жилища, если во время урагана они разрушатся.

Результат: темп развития Барьерных островов упал, среда обитания была защищена и некоторые люди почувствовали облегчение от того, что «влиятельное правительство» не заберет их собственность.

Жизнь в смешанных сообществах людей и других видов

Пока биорегиональная традиция меньшинства кажется нам подходящей для воспитания экологического сознания, при учете биологического разнообразия и простоте средств, принимаются твердые, политические решения. Мы приведем несколько примеров.

Согласуясь с нашими основными нормами, кажется, что одним из принципов является защита исчезающих видов растений и животных как часть основной нормы единства в разнообразии.

Другая норма — это биорегиональная ответственность. Местное сообщество является местом для принятия решений. Однако, что происходит, когда нужды местного сообщества конфликтуют с нормой разнообразия защищенных видов?

Такая ситуация случилась на северном склоне Аляски, где эскимосы охотились на носатых китов в 1970-е гг. Международная комиссия по промыслу китов установила правило, что этот вид является исчезающим видом и охота на него полностью запрещена. Однако, местные эскимосы утверждали, что охота на китов является их национальной традицией. Их образ жизни и мифология зависели от этого. Если они не будут убивать китов, они окажутся в зависимости от консервированного мяса из «южных сорока восьми штатов», которое будет выдаваться им отделами социальной службы.

Это некоторым образом разделяет участников природоохранного движения. Многие группы поддерживают полный запрет на убийство носатых китов, пока экологи не подтвердят, что их популяция «значительно выросла», но Друзья Земли придерживаются позиции, что эскимосам нужно разрешить убивать определенное число носатых китов, используя их традиционные методы (любая охота современными средствами была запрещена).

Арне Нейс приводит пример из биорегиона северной Норвегии, где фермеры и скотоводы, увеличивая число ферм и поголовье овец, быстро потеснили среду обитания волков и медведей. Некоторые предлагали уничтожить всех медведей, поскольку несколько медведей задрали несколько овец. Но другие предложили исследовать проблему более тщательно. Становился ли отдельный медведь более заинтересованным в овцах? Можно ли было переманить этого медведя и удержать от нападения на овец? Можно ли его переместить в другое место? Могли ли фермеры согласиться держать своих овец вдали от

мест, где медведи обычно заводили берлоги или охотились?

Этот подход значительно отличается от того, которого придерживаются некоторые скотоводы и фермеры на американском Западе. Когда «хищник» выявлен — скажем, волк, койот, орел, и т.д. — то предпринимаются систематические усилия, чтобы устранить его, включая охоту с вертолета на волков (Аляска), распространение яда «1080», отстрел орлов из ружей большой мощности и разрушение мест обитания (берлог, прибрежных областей обитания и т.д.).

Формы ведения сельского хозяйства

Методики органического сельского хозяйства, описанные многими авторами в контексте специфических биорегионов являются еще одним примером, стоящим рассмотрения. Например, интересное предложение возврата к примитивному сельскому земледелию в одной из наиболее индустриальных стран в мире — в Японии, объяснялось его основателем, Масанобу Фукуока, в его книге «Революция одной соломинки». Идеи Фукуока особенно полезны для взгляда глубинной экологии, потому что он обсуждает метафизические и эпистемологические допущения в земледелии в технократически-индустриальных обществах и представляет альтернативные предложения.

Много еще предстоит сделать, чтобы разоблачить допущения и последствия доминирующего мировоззрения на земледелие и скотоводство, возможно на строчках труда Дензела Фергюсона «Священные коровы на государственных землях» (1983). Требуется дальнейшее описание типов, способов и положений в сельском хозяйстве в рамках принципов глубинной экологии.

? «Причина всей этой путаницы в том, что существует два пути человеческого знания — дискриминирующий и не дискриминирующий... Я отвергаю пустой образ природы как созданной человеческим интеллектом, и ясно отличаю его от природы, исследуемой с не дискриминирующим пониманием. Если мы искореним ложную концепцию природы, я считаю, что корень мирового беспорядка исчезнет... Природа, освоенная научным знанием, является природой, которая была разрушена; это призрак со скелетом, а не душа».

Масанобу Фукуока, «Революция одной соломинки» (1978)

Венделл Берри в книге «Растревоженная Америка» (1977), выдвигает мысль, что современное земледелие и землепользование в основном является результатом нашего современного искажения ценностей:

Эксплуатация всегда включает нарушение или искажение природы и, в конечном итоге, ее разрушение. Так, мы видели, насколько далеко революция эксплуатации проникла в наш официальный характер, когда недавний министр сельского хозяйства заметил, что «Пища — это оружие». Была замечена страшная симметрия, когда, обсуждая возможное использование ядерного оружия, министр обороны говорил об «аппетитных» уровнях разрушений. Рассматривая ассоциации, которые испокон веков возникали вокруг идеи пищи

— ассоциации взаимной заботы, достоинства, добрососедства, веселья, общей радости, религиозной церемонии — вы увидите, что эти два министра представляют культурную катастрофу. Заботы о земледелии и о войне, ранее считавшиеся диаметрально противоположными, стали идентичными. Мы имеем пример людей, которые стали жестокими, не по природе и обстоятельствам, а из-за их ценностей. Пища — это не оружие.

Берри демонстрирует, что старые, более интуитивные пути взаимодействия с землей уходят и называются «предрассудками», тогда как в действительности они содержат значительную часть экологического понимания. Современные технократические общества возложили свои надежды на повышение производительности и эффективности на технологии, основанные на частичных, и во многих случаях, неадекватных теоретических научных моделях. Нет никаких поводов полагать, что эти научные теории и модели когда-либо охватят всю сложность функционирования природной экосистемы.

Эта адекватность технологии хороша настолько, насколько хороши теоретические модели, на которых она основана. Идея Геи, используемая скорее как научная теория, чем миф, является примером теоретической модели и ее ограничений. Миф является обволакивающим, интуитивным, утешающим, привлекающим. Модель является ограниченной, холодной, манипулируемой, далекой от реальности.

Экологическая наука, как ее узко понимают в научных кругах, с ее термодинамическими исследованиями энергии, моделируемой согласно нашему нынешнему пониманию законов физики, экономически моделируемых концепций производителей и потребителей, количественных анализов отношений «хищник-жертва», сама по себе является насыщенной теоретическими концепциями и моделями. Та самая концепция экосистемы основывается на теории кибернетических систем, которая является попыткой применить машинную модель на природные органические процессы.

Массовый провал современных технологий, когда они применяются более интенсивно в сложных органических системах, должен привести к широкому здоровому скептицизму по поводу научного моделирования вместе с взаимодействующими технологиями. Кажется уместным, что экологи и другие ученые, и особенно ученые, управляющие Природой, должны быть осторожными. Но используемая с должным вниманием, скромностью, основным природоохранным отношением и пониманием свойственных ей ограничений, экологическая наука может помочь нам в нашем поиске справедливого управления. Но наука и технология сами по себе являются опасной заменой мудрости земли. В основе поиска лежит постоянный процесс постановки все более глубоких, пытливых вопросов.

На уровне политики, планирования землепользования и ином принятии решений каждое предложение, включающее переделку природных экосистем, должно быть предметом интенсивной постановки вопросов. Каким будет социальный и экологический ущерб? Для чего этот проект? Нанесет ли он вред будущим поколениям других видов живых существ в дополнение к человеку? Пересматривая исследование человеческой жизни, нам нужно задать фундаментальный вопрос, поставленный антропологом и натуралистом двадцатого века Лоуреном Айсли: «Как мы можем вернуться в первичный мир Природы, для которого мы сами сделались чужими?» И нам нужно спросить, как мы можем снова открыть

очарование Геи, священность Геи и таким образом исцелить себя».

Восстановление поврежденных экосистем

Мы утверждали, что справедливое управление Мюира — это управление, основанное на мировоззрении и духовном образе жизни, подобном взглядам дао, американских индейцев и других первобытных обществ, в соответствии с которым наилучшим управлением в принципе является минимальное управление. Но мы также осознаем, что огромные просторы Земли серьезно пострадали и были разрушены небрежной и эксплуатирующей деятельностью человека. Открытая разработка ресурсов и вырубка леса — это только два очевидных примера в США. Должны ли эти виды экологической деградации быть оставлены для природного восстановления или люди должны вмешаться и помочь процессу оздоровления?

Олдо Леопольд определил здоровье земли в терминах естественно развивающихся процессов экосистем в динамическом равновесии. Он использовал не нарушенную дикую природу как точку отсчета, от которой нужно измерять здоровье населенных людьми экосистем. В основном это сочетается с принципами глубинной экологии и справедливого управления; если люди повредили экосистему, они обязаны помочь ее вылечить. Восстановление поврежденных человеком экосистем не является строго научной материей по причинам, изложенным выше, а включает комбинацию искусства, науки, и, что наиболее важно, чувства местности. Люди, занимающиеся повторным заселением или восстановлением здоровья экосистемы, должны быть чувствительными как к духовным, так и к биологическим нуждам данной местности.

Только недавно профессиональные экологи начали учитывать систематическим образом научные, этические и практические вопросы, связанные с восстановлением поврежденных экосистем. Во введении в свою книгу по искусству оздоровления экосистем эколог Джон Кайрнс ставит интересные вопросы:

? «Как определить восстановление? Какие критерии важны при оценке восстановления? Оказывают ли социальные воздействия (скажем, разработка карьеров) другой эффект на природные сообщества, чем природные катаклизмы (скажем, наводнения)? Должен ли термин «восстановление» включать, к примеру, замену леса, пострадавшего от разработки карьеров, прерией, заросшей травой, хотя последнее не происходит естественным образом (как, скажем, в Западной Вирджинии)? Как зависимые от катаклизмов сообщества отличаются от других сообществ в отношении процесса восстановления? Являются ли определенные виды первоочередными колонистами всех нарушенных систем?... Трудно даже подобрать подходящее слово, чтобы описать этот процесс. Это может быть омоложение, реставрация, обновление, регенерация, восстановление или возрождение. Все это подразумевает возвращение к первичному (или новому) состоянию восстановления или к состоянию юношеской силы. Такие термины являются синонимами восстановления и могут

упростить читателям экологической литературы понимание и выявление результатов, ожидаемых от фазы восстановления».

Кайрнс пытается ответить критикам, которые утверждают, что восстановление, или реабилитация, не имеет ничего общего с концепцией охраны природы:

Если некто понимает охрану природы как сохранение ее для будущих поколений, то исправление может быть так же важно, как и охрана. Если полное восстановление действительно возможно, то отдаленное по времени будущее поколение может не отличить улучшенную местность от сохраненной. Стоит также заметить, что улучшение будет пониматься лучше, и степень восстановления будет определяться более точно, если в качестве моделей для сравнения будут сохранены нетронутые области.

Спустя годы многие экологи предложили отменить Бюро мелиорации. Использование Кайрнсом термина «мелиорация» могло дать основание для новой положительной экологической функции этого Бюро. Философское обоснование антропоцентрической охраны природы Кайрнса могло быть расширено и включало бы права других видов на их среду обитания как дальнейший критерий в процессе восстановления. Те, кто исповедуют принципы глубинной экологии, будут с интересом смотреть на экологические модели и рецепты, предложенные Кайрнсом, имея в виду и более глубокое религиозно-философское понимание личности в Природе.

Далее предлагаются два примера символических и провокационных метафор для тех, кто пытается оздоровить поврежденные человеком экосистемы. Первый пример является значительным движением в направлении внедрения глубинной экологии и принципов этики Земли, принятых национальной Службой парков США в их последних попытках реабилитировать части Редвуд-Крик в национальном парке «Секвойя» в Калифорнии. Этот небольшой бассейн изучался так же, как любой другой, и мог служить примером для возможной реабилитации других бассейнов.

Однако, первая глава работы «Реабилитация бассейна в национальном парке «Секвойя» и других тихоокеанских прибрежных областях» ставит управляющих восстановлением перед досадной дилеммой.

Реабилитация является восстановлением предыдущего состояния или способности. В этом термине подразумевается наличие деградированного состояния. В центральных районах США чем сильнее эта деградация, тем очевиднее она для общественности и тем сильнее борьба за восстановление, или реабилитацию. К сожалению, чем острее воспринимается «нужда» в реабилитации, тем ниже вероятность того, что усилия по реабилитации будут успешными. Таким образом, образуется дилемма: чем сильнее общественное мнение, что «что-то следует сделать», тем меньше шансов на успех.

Эта дилемма снова может указать на необходимость для агентств землепользования отойти от политики принятия решений, основанных на субъективных критериях, таких как общественное мнение, к более объективным критериям, основанным на здоровых экологических принципах.

Когда пациент находится в состоянии кризиса, врачам для стабилизации его состояния нужны как искусство, так и удача. Так было с Редвуд-Крик. До 1880-х годов этот бассейн был заселен старыми секвойями, черными медведями, лосями Рузвельта, дубами, белыми цаплями, выдрами, тихоокеанским лососем и небольшим племенем (двести или четыреста человек) индейцев чилула. Чилула вели жизнь, наполненную ритуалами и чувством местности. Их «церквями» были скалы и водопады, озерца, где они молились, исполняли ритуалы, общались с духами, искали понимания. Они ели лосося из речушки Редвуд-Крик и в отдельных местах выжигали лес, чтобы дать вырасти траве, которую они использовали для плетения корзин. После 1880 г. эти индейцы были перемещены в резервацию Хупа, и земли Редвуд-Крик перешли к крупным лесозаготовительным корпорациям. В 1950 г., однако, большинство первичных лесов секвойи (которая считается единственным коммерчески ценным деревом в этих лесах) все еще были нетронутыми.

К 1978 г. осталось только 9500 акров первичных лесов. В результате сплошных рубок на крутых холмах почва эродировала. Экзотические виды деревьев выращивались в некоторых зонах деревообрабатывающими корпорациями. В законе, учреждавшем национальный парк «Секвойя», Конгресс обязал Службу парков предпринять «...реабилитацию областей, расположенных в черте парка и выше него по течению, способствуя значительному осажению илов для восстановления почв, нарушенных прошлыми вырубками и дорожной обстановкой...». Управляющие землей согласились, что «успешный контроль эрозии является философской и политической проблемой, в той же мере, что и технической».

В течение первых трех лет реабилитации выбор мест осуществлялся на основе серьезности «ранений», исследований потенциальных возможностей дренажа растущих отложений и «осложнений», таких как образование оврагов из-за сбоя в работе дренажных каналов на трелевочных дорогах. Каждое место имело свой собственный «рецепт».

Примером такого специально разработанного для определенной местности рецепта является Роцца Высоких Деревьев — растущая на наносной низине роцца секвойи, отдельные из которых являются высочайшими в мире. Эта роцца с трех сторон окружена речкой Редвуд-Крик, все еще несущей большое количество произведенных человеком эрозионных веществ, и вырубкой со стороны склона. Отчет утверждал, что «скорее всего Роцца Высоких Деревьев имеет длинную историю наводнений и наносных отложений, как и многие похожие роцци на намытых низинах, и необходимо убедиться, что это будет продолжаться с минимальными вредными изменениями. Это будет трудно сделать, потому что за последние полвека в водоразделе произошли глобальные изменения, вызванные человеком». Для существования таких роцц необходим целый ряд условий, таких как темпы отложений, мягкие отложения вместо грубых отложений, показатели роста деревьев, выживаемость молодняка. Медленные, долгие, неуклонные процессы, происходящие в Природе, невозможно перехитрить технологическими достижениями, если эти роцци должны расти и дальше. Можно заключить, что «управление такими лесами с целью их защиты должно допускать возможность таких случаев».

Экологические и реабилитационные исследования, результатом которых стали рецепты по поддержанию роцц секвойи, а также другие практические рекомендации, такие как разрешение лесных пожаров в ненаселенных областях, являются ещё одним

подтверждением закона Коммонера о том, что «Природа лучше знает». Радует то, что Служба парков США начала включать экологическую мудрость в свои планы и использовать ее как идеал, на котором основывается политика управления и реабилитации.

Вторым примером трудной задачи реабилитации поврежденной человеком области является предложение восстановить популяцию калифорнийского кондора в Лос-Анджелесской впадине. Этот кондор является исчезающим видом, ставшим жертвой махинаций научного плана управления. Вместо того, чтобы охранять оставшихся птиц и увеличивать их среду обитания, некоторые биологи взвешивали, измеряли и всячески беспокоили кондоров, возлагая надежду на их выживание путём выведения в неволе в зоопарках. Но пойманных диких животных изъяли из естественного эволюционного процесса. Как заметил Дэвид Броуэр, кондор является кондором только в естественной среде, и этот тезис справедлив для любого живого вида, включая человека. Поставлена цель восстановить долину Лос-Анджелес как среду обитания кондора. Кондор как символ долины Лос-Анджелес является стимулирующей метафорой для нынешнего и будущих поколений людей, когда они начнут процесс нового заселения этих мест.

Судьба калифорнийского кондора является символической темой для Броуэра и многих других людей. Броуэр задал риторический вопрос: «Если мы не сможем сохранить благоприятную среду для кондора, символа глобальной угрозы для исчезающих видов, что же мы сможем сохранить? Кондорам от нас больше всего нужно, чтобы мы понимали и чувствовали, что это их место», — заключил он. Броуэр предположил, что практическая идея экотопии сможет восстановить долину Лос-Анджелес для жизни кондора. Он закончил свое эссе «Кондор и ощущение местности» следующим пассажем:

? «Мы надеемся, что проблема кондора увеличит наши шансы на то, что все остальные тоже будут стараться сохранить нетронутой дикую природу и живых существ, оставшихся в море, на земле и в воздухе, чтобы предотвратить поминки по ним, и по их не очень далеким родственникам — по нам. И нам, и им нужно место для жизни, свои священные острова.

Давайте же ускорим восстановление популяции калифорнийского кондора, измерив птицу таким образом: кондор на пять процентов состоит из перьев, плоти, крови и костей. Остальное — это местность. Кондоры являются парящими символами места, которое закодировано в их генах. Это место включает пространство для гнездовья, для обучения птенцов, для высиживания кладки в безопасности, для купания и питья, место, чтобы встречать других кондоров и поменьше биологов, и чтобы свободно парить в вышине над дикими местами. Если это все чего-то стоит, то наше чувство этики по отношению к другим живым существам должно потребовать от нас гарантии того, что сохранение местности, где живут кондоры, окажется более важным для нас, чем удовлетворение нашего любопытства и желания брать анализы крови, измерять, атаковать, сажать в клетку. Нам нужно уважать достоинство живого существа, которое относилось к нам неплохо — за исключением, возможно, пожелания, чтобы мы держались от них подальше.

Мы начинаем рассматривать способ управления, разработанный, чтобы регулировать и сдерживать дальнейшее экологическое разрушение современным человеком, как промежуточное управление. И поскольку нынешняя урбанистически-индустриальная атака

может быть замедлена и прекращена по возможности быстро, то, естественно, успех промежуточных мер сопротивления будет одинаково важен сам по себе как созидательные шаги, предпринятые в направлении будущей глубинной экологии. Мы утверждаем, что промежуточные мероприятия, являющиеся сегодня необходимыми, недостаточны, чтобы обеспечить долгосрочное разрешение нашего экологического обязательства. Как предлагает Гарри Снайдер, «нам нужно работать на всех уровнях одновременно».

Мы признаем огромную важность поддержки естественных экологических и эволюционных процессов на нашей планете и сопротивления управляемому «искусственному миру». Другой стратегией промежуточного управления, обоснованной в антропоцентрических терминах, является «Мировая стратегия охраны природы», разработанная Международным союзом охраны природы и природных ресурсов, и имеющая своей основой Природоохранную программу ООН. Этот глобальный план был разработан достаточно подробно и мог бы обеспечить переход к децентрализованному будущему обществу с философией глубинной экологии.

В октябре 1982 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Хартию Природы (подготовленную Международным союзом охраны природы), имеющую более биоцентрическую ориентацию. Генеральная Ассамблея убеждена в том, что: «...Любая живая форма является уникальной, ей гарантируется уважение независимо от ее пользы для человека, и следуя этому признанию, человек должен руководствоваться моральным кодексом поведения... Природу следует уважать, и ее естественные процессы не должны нарушаться... Экосистемами и организмами, ...используемыми человеком, следует управлять так, чтобы достигать и поддерживать оптимальную разумную производительность, но при этом не подвергать опасности целостность других видов или экосистем, с которыми они сосуществуют».

Глубинное, долгосрочное и промежуточное управление

Некоторые, без сомнения, скажут, что предложения глубинной экологии относительно целостного управления и повторного заселения чересчур идеалистичны и неприменимы в глобальном масштабе. Социологическим фактом является то, что сознание глубинной экологии и интерес к биорегионализму возрастают во многих регионах мира.

Однако, существуют решения государственной политики, принимаемые под давлением корпораций и национальных правительств, которые определяют судьбу огромных пространств, где люди ранее никогда не оказывали значительного влияния — океаны, небо, антарктические и полярные области, Сибирь, многие горные области и все оставшиеся районы с влажными тропическими лесами, где народы жили столетиями, но сейчас эти биорегионы разрушаются.

По нашей оценке, сегодня мы должны использовать все доступные нам политические способы, включая механизм ООН, чтобы защитить обширные пространства экологически ценной среды обитания, обеспечивая этим выживание видов.

Более того, чтобы обеспечить сочетаемость промежуточных мероприятий с долгосрочными экологическими планами, менеджеры по восстановлению и промежуточному управлению должны исповедовать биоцентрические идеи. Некоторые только начинают понимать отношение между воспитанием своего собственного экологического сознания и «управлением». Любое понимание земли означает приведение себя в гармонию с землей, со специфическим биорегионом, и выработку чувства местности. В противном случае, «управление» землепользованием будет продолжаться на основании субъективных экономических критериев в ущерб Земле и будущему.

Если достаточно много граждан будут воспитывать свое собственное экологическое сознание и посредством политического процесса информировать управляющих и правительственные учреждения о принципах глубинной экологии, то могут быть достигнуты значительные перемены в направлении мудрой долгосрочной политики управления.

Глава 5. Экологическое сопротивление

Мы начали эту книгу с предложения разнообразных действий, которые люди могут предпринять, чтобы реформировать государственную политику, создать биорегиональные сообщества, развить экологическое сознание. В этой заключительной главе мы возвращаемся к прямым действиям. Мы показали, что глубинная экология — вовсе не игра абстрактного теоретизирования. Как образ мышления, она жила, танцевала, праздновала. Она получила резонанс.

Развитие, культивирование экологического сознания означает, отчасти, развитие того, что Теодор Рожак называет «восторженным интеллектом». Восторженный интеллект принимает участие в процессе интеграции интеллекта, тела и радостных эмоций.

Центральным практическим вопросом, основанным на взглядах, высших нормах, принципах и теориях глубинной экологии, является следующий: как мы можем стать более зрелыми личностями при существующих ограничениях этой культуры?

Мы полагаем, что существует некое взаимодействие между внешними и внутренними прямыми действиями, между воздействием на самого себя и на мир, результатом чего станет наша дальнейшая, более глубокая зрелость в глубинном экологическом смысле и отождествление себя со всем сущим. Резкой границы между внешним и внутренним не существует. Люди предпринимая прямые действия, исходя из своих глубинных экологических убеждений и принципов, и становятся более зрелыми благодаря этим действиям. Для обозначения прямых действий в их внешнем выражении мы употребляем название «экологическое сопротивление».

Действия на основе глубинных принципов

“ «Основным принципом Экологического Сопротивления является убеждение, что разнообразие естественно, благотворно, и что ему угрожают силы монокультуры ... Если существует базовая модель, то это модель экосистемы ... Образ человечества в Экологическом Сопротивлении более целостный и объединённый, «Человек» не стоит против «окружающей его среды» как менеджер, надзиратель или благодетель; он является

неотъемлемой частью пищевой цепи ... микрокосм космоса, очень личностно воспринимающий раны, наносимые его/её обоим телу».

Джон Родман, «Теория и практика природоохранного движения» (1978).

“ «Нынче, пожалуй, мы можем уже начать понимать, отчего люди почти глобально стремятся найти избавление от себя подобных среди деревьев и растений, гор и вод. Насмехаться над любовью к природе — просто и дёшево, однако в этой вселенской теме поэзии всегда есть нечто глубинное, нечто существенное, хотя и тривиальное. Сотни лет поэты и Востока, и Запада стараются выразить эту, по существу, очень человеческую любовь «единения с природой», это выражение, которое в современных интеллектуальных кругах приобрело слегка нелепую, смешную окраску. Его предвзято относят к числу фраз, используемых для «ухода от реальности», особенно осуждаемых теми, кто ограничивает эту самую реальность лишь теми фактами, которые они находят в газетах.

Но, вероятно, причиной этой любви к окружающей нас природе является то, что единение с нею восстанавливает уровень нашей человеческой природы, до которого мы ещё остаёмся в здравом рассудке, свободными от всякого вздора и обманов, не тревожимыми вопросами о смысле и цели нашей жизни. Поскольку то, что мы называем «природою», свободно от какой-либо схематизации и самодовольства. Птицы и звери действительно заняты своим делом: едят и размножаются с полной ответственностью и преданностью. Однако они не подводят под это никакой базы, не приводят никаких обоснований; они не притворяются, что преследуют этим некие высокие цели или делают великий вклад в прогресс всего мира.

Я говорю это вовсе не в обиду человеческим существам, потому что всё не так просто: суть не в том, что, мол, птицы хорошие, а мы плохие. Суть здесь в том, что связь и взаимопроникновение с этим очаровательно бесцельным миром природы даёт нам новый взгляд на самих себя — взгляд, позволяющий нам не то чтобы осудить собственное самодовольство, если не чванство, а просто увидеть в нём нечто совсем иное, не то, что мы себе представляем. В этом свете все человеческие замысловато абстрактные, помпезные устремления неожиданно трансформируются в природные чудеса того же порядка, как несоразмерно огромные клювы туканов, шеи жирафов, возвышающиеся подробно башням, и такие многоцветные ягодицы бабуинов. Если рассматривать их таким образом, а не в привычном серьёзном аспекте или как нечто, заслуживающее всяческого осуждения, то всё самодовольство и важничанье человека растворится в смехе. Его настойчивая целенаправленность и чрезвычайное увлечение абстракциями оказываются, — хотя и вполне естественными, — но уже преодоленными, как огромные тела динозавров. Как средство выживания и адаптации, они

уже сыграли свою роль, уступив место существам слишком хитроумным и образованным, слишком практически устремлённым к собственному благу, и по этой именно причине нуждающимся в философии типа «голова дохлого кота». Потому что эта философия, как и природа, не имеет никакой цели, никакого следствия, кроме самой себя».

Алан У. Уоттс, «Природа, мужчина и женщина» (1958)

Экологические сопротивленцы не считают, что существуют только узко технические решения узко ограниченных социальных вопросов (как, скажем, загрязнение воздуха). Они видят в этих проблемах симптомы более крупных проблем.

Технократические решения чреватые тремя главными опасностями. Первая — это вера в то, что с помощью современной доминантной идеологии или технологии можно найти совершенное или приемлемое решение. Вторая опасность — представлять проблему решённой или создавать соответствующее впечатление, в то время как в действительности проблема продолжает существовать. Мы только ставим заплатки, и это отвлекает нас от «настоящей работы». Наконец, есть опасность полагать, что придут некие новые эксперты, — как, скажем, профессионалы-экологи, — которые найдут решения, однако фактически они могут ограничиться ролью представителей каких-либо крупных компаний или агентств и отстаивать их повестку дня в интересах их власти или прибылей.

Экологическое сопротивление — это действия на основе центральных принципов: делать то, что необходимо, свидетельствовать ненасильственно. Оно возникает благодаря сдвигу в сознании. Экологическое сопротивление глубиннее, иные скажут — радикальнее, чем просто реформизм. Некоторые реформаторские действия, направленные на смягчение тяжелейших форм загрязнения воды и воздуха (вследствие автомобильных выбросов, к примеру) мотивированы исключительно заботой о здоровье и безопасности человека, а отнюдь не о собственной изначальной ценности биосферы. Однако к настоящему времени ограничения реформизма уже хорошо известны.

“

Декларация сохранения дикого кафедрального леса

«Разрушаются последние остатки первичных кафедральных лесов Орегона. Так называемый Закон о диких лесах Орегона от 1984 года не только не способен защитить самые крупные из оставшихся диких лесных массивов Орегона, но открывает более широкий доступ к нему, устраняя даже ту слабую защиту, которую выдвигает процесс планирования RARE II: поэтому мы предлагаем свою защиту этих земель.

Мы считаем, что всё в мире взаимосвязано, и какое бы зло мы ни причиняли земле, мы причиняем его себе. Если мы уничтожим оставшуюся дикую природу, мы уничтожим своё единство с природой: дикая природа имеет такую ценность для человечества, которую ни один учёный не может синтезировать, ни один экономист не может оценить; здесь не требуются

никакие обоснования, рациональные доказательства или извинения.

Мы видим, что земля умирает. Мы посвящаем себя тому, чтобы повернуть этот процесс вспять, остановить разрушение и уничтожение, чтобы земля снова могла стать живой, чистой и здоровой.

Мы призываем правительство Соединённых Штатов сохранить леса Тихоокеанского Северо-Запада как одну из многих незаменимых и невозполнимых драгоценностей нашего великого континента.

От имени всех граждан земного сообщества мы провозглашаем Орегонский Кафедральный Лес — всё, что осталось от первичной экосистемы старолесья Орегона — нерушимой зоной дикой природы на все времена.

«Группа действия в защиту кафедрального леса» была создана в 1984 году для того, чтобы заповедать Кафедральный лес Сантьям — 80 000 акров дикой природы, включающий Средний Сантьям и зону дикой природы Старые Каскады в горах Каскад в центральном Орегоне. Землепользователем здесь является Служба леса США. Члены группы ложились перед лесовозами и бульдозерами, которые служба леса направляла для сплошных рубок этих диких лесов. Несколько сопротивленцев были арестованы.

Люди, глубоко преданные экологическому движению, понимают и ощущают уязвимость природных процессов под воздействием человеческого вторжения и первостепенную необходимость поддержания биологического разнообразия. Для подтверждения целостности экосистем зачастую организуется кампания для спасения какой-либо реки, или каньона, или зоны дикой природы.

Но настоящее экологическое сопротивление подразумевает дружбу с каким-нибудь другим видом, или рекою, или горой, к примеру. Вообще говоря, сопротивленец берёт на себя бремя ответственности, бремя свидетельствования за другого, как за себя. Герой повести Ромэйна Гэри «Корни небес» (1958) принимает на себя ответственность за стада слонов в Центральной Африке. Он убеждает местные племена, государства, ООН взять на себя тяжесть ответственности за защиту этих созданий в их среде обитания от браконьеров и разрушения людьми этой среды. Этот процесс поддержания дружеских отношений, дружественной помощи может быть обоснован критериями дружбы по Аристотелю: содействие благу другого ради него самого. Или дружба может продолжением самого себя. Когда Ганди спросили, были ли его добрые деяния в деревне выражением его гуманизма, он ответил, что работал, «чтобы услужить самому себе, и никому больше ...». Это заявление Ганди определяет зрелость. Альтруизм не был нужен, если его «я» включало в себя всю деревню.

Примерами того, как можно защищать место, является защита Сигурдом Олсоном северных лесов Миннесоты, Питом Гюнтером — Больших Зарослей в Техасе, Дэвидом Броуэром — Большого Каньона, наконец, защита Эдвардом Эбби американского юго-запада. Прототип такой защиты — борьба Джона Мюира за сохранение Хетч Хетчи — был назван «духовным водоразделом» в американской истории; в значительной степени с таким же духовным

водоразделом нация встретила в 1980-х годах.

Существует множество различных тактик участия в политических кампаниях отдельных лиц и организаций, стремящихся «спасти реку» или «спасти Землю», но есть одна высшая норма экологического сопротивления, превосходящая все остальные: ненасилие.

Плававшая на малых судах, но поддержанная добрыми пожеланиями и денежными пожертвованиями большого количества людей в Канаде и США в 1960-х и 1970-х годах, добровольцы Гринпис отправлялись в Тихий океан, чтобы протестовать против испытаний французами ядерных устройств в атмосфере, или к берегам Аляски (из Ванкувера в Британской Колумбии) на борьбу против проведения ядерных испытаний Министерством Обороны США, во многие другие места, чтобы стать между китобоями и китами, находившимися под угрозой полного истребления.

Многие люди начинают свидетельствовать и утверждать здоровое, разумное устройство общества людей, живущих в согласии с природой. Философия Гринпис обобщает многие важнейшие пункты свидетельствования как тактики экологического сопротивления:

Мы — экологи, активно работающие для защиты нашего хрупкого мира. Мы боролись против ядерных испытаний во Французской Полинезии и победили. Мы стояли лицом к лицу с российской китобойной индустрией, и изгнали их из североамериканских вод. Мы содействовали публикации материалов о массовых убийствах дельфинов при добыче тунца. И мы помогли представить миру жестокость охоты на детёнышей котиков в Ньюфаундленде. Во имя экологии.

Экология учит нас, что человечество вовсе не является центром жизни на планете. Экология научила нас, что вся земля — часть нашего «тела», и что мы должны научиться уважать её так же, как уважаем себя. Так же, как мы относимся к себе, должны мы относиться ко всем формам жизни — китам, котикам, лесам, морям. Потрясающая красота экологического мышления заключается в том, что оно показывает нам путь обратно к пониманию и уважению самой жизни — пониманию и уважению, являющимся императивом именно такого образа жизни.

Так же, как при спасении китов и котиков, саму жизнь следует спасать ненасильственной конфронтацией, тем, что квакеры называли «свидетельствованием». Человек-свидетель должен взять на себя обязательство знать о несправедливости. Он может выбирать дальнейший образ действий — стоять ли рядом в бездействии или предпринять что-нибудь, — но он не может отвернуться в невежестве. Этика Гринпис заключается не только в том, чтобы лично свидетельствовать о жестокости по отношению к живому; она требует также и прямых действий, направленных на предупреждение этой жестокости. Какими бы прямыми ни были эти действия, они также не должны быть насильственными. Мы должны бороться со злом, не применяя при этом личного озлобления против злоумышленников. Мы должны знать, что наша величайшая сила — это сама жизнь и наша решимость отдать свои жизни для защиты других.

В Австралии экологические сопротивленцы протестовали против намерений правительственных агентств построить плотины на свободно текущих реках Тасмании, блокировали лесовозы, вывозившие брёвна из последних субтропических дождевых лесов в Новом Южном Уэльсе, неоднократно обращались в федеральное правительство с требованиями прекратить экспорт урана, используемого для создания атомных бомб.

Джон Сид основал Центр информации о дождевых лесах и начал всемирную кампанию с целью привлечь внимание всех людей к их собственной изначальной ценности. В одном из интервью он рассказал о своём собственном психологическом развитии от пассивного наблюдателя до активного участника. «Я защищаю дождевой лес, — сказал он, что затем перерастает в «я — часть дождевого леса и защищаю себя». «Какое облегчение, — говорил он, — тысячи лет (воображаемого) отчуждения окончены, и мы начинаем вспоминать нашу истинную природу. То есть, эту перемену духовного плана — думать, как гора, — иногда называют “глубинной экологией”».

Во время одной из акций по защите дождевого леса Найткэп в Новом Южном Уэльсе Сид и многие другие участники были арестованы по обвинению в правонарушениях и «обструкции». Когда Сиду были предъявлены эти обвинения, он сделал следующее заявление Суду:

“ «Я почтительно заявляю, Ваша честь, что обвиняемые, стоящие перед этим судом, играли ключевую роль в спасении дождевых лесов. В свете экологических фактов и пожеланий, выраженных жителями этого штата, я полагаю, мы должны были бы получить медали, а не максимальное наказание по закону.

Меня арестовали при попытках показать полиции свидетельства преступлений, совершаемых Комиссией лесного хозяйства и лесорубами. Эти преступления: рубка деревьев, которые не были помечены, невыполнение требований Стандартных условий предупреждения эрозии и рубка леса без Заявления об экологическом воздействии. Последнее обвинение было позднее доказано Верховным судом. Лесорубы не только проиграли это дело, но их обязали покрыть все убытки. Меня арестовали, когда я пытался показать полиции свидетельства этих преступлений. Когда они отказались освидетельствовать это, я позволил арестовать себя в знак протеста».

Обнять своего оппонента

Экологическое сопротивление можно определить как поддержание мира в окрестностях. Вандалы или жестокие соседи редко приветствуются соседями. Когда в число соседей включены реки и горы, прерия и морские берега, тогда только можно обеспечить целостность экосистем.

Иногда доказательства даже ценой чьей-то жизни могут вызвать нежелательные действия оппонентов. Марк Дюбуа приковал себя цепями в той части долины реки Станислаус в

Калифорнии, которая подлежала затоплению вследствие строительства плотины Нью Мелоунз. Он сказал, что останется, пока не утонет, или пока Корпус инженеров не согласится приостановить заполнение водохранилища. Когда Корпус согласился подождать с его заполнением до слушаний в суде, Дюбуа вышел из каньона, но некоторые лица в Центральной Долине Калифорнии на орошаемых землях были разгневаны его действиями. Дюбуа пытался поговорить с фермерами и объяснить им мотивы своих действий, проведя тур выступлений перед группами фермеров.

Излагая теорию ненасилия Ганди, Арне Нейс приводит несколько правил ненасильственных политических кампаний, в том числе:

1. Огласите свои обстоятельства и цели кампании чётко и ясно, отделив важное от несущественного.
2. Ищите личного контакта с вашим оппонентом; будьте доступны для него. Сведите друг с другом конфликтующие группы.
3. Обратите вашего оппонента в своего сторонника и последователя, но не принуждайте и не эксплуатируйте его.
4. Вы спровоцируете вашего оппонента, если намеренно или по небрежности разрушите его собственность.

Эмпирическое изучение конкретных политических кампаний экологического сопротивления может дать возможность определить, какие нормы соблюдаются их участниками. Хотя некоторые ученые-социологи изучали ненасильственные кампании, почти никто не применял этих теорий к природоохранным движениям. Одно исследование движения за ядерное разоружение включало обсуждение дилеммы ненасильственного свидетельствования и конфронтации вокруг атомных станций. Социолог Стив Баркан предлагает, чтобы средства массовой информации часто и подробно освещали на первых полосах беспорядочные взрывы ярости, зачастую сопровождающие массовые демонстрации, вместо намеченного обсуждения технологии или решения о строительстве ядерной электростанции.

Изучение конкретных кампаний, таких, скажем, как кампании Гринпис по спасению китов, могло бы способствовать значительно большему пониманию целей и задач ненасильственных акций. Например, ставят ли китобои после них под вопрос деятельность компаний, на которые они работают? Дали ли сопротивленцы чёткие и ясные разъяснения в отношении того, кто принимает важнейшие решения, и кто несёт ответственность за продолжающийся до сих пор китобойный промысел? Разъясняют ли они своё понимание процесса сопротивления через групповые процессы и через медитацию? Аллен Гинзберг, арестованный во время медитации на железнодорожном полотне, ведущем к плутониевому производству в Роки Флэт, Колорадо, заявил репортёрам:

“ «Я убеждён, что медитация, осуществляемая с подобающим человеческим достоинством и просветлённостью, может быть надлежащим инструментом

в ситуациях протеста. Но действительно ли вы, сидя здесь, сосредотачиваетесь на своём дыхании, или вы сидите здесь, думая о том, как выглядите перед телевизионной камерой? Буддийские обычаи вовсе не ведут к пассивности или бездействию. Они ведут к более открытой, более восприимчивой деятельности, когда вы меньше боретесь со своими иллюзиями. Если ваш протест против зла есть злость на своего отца, или на весь мир, или на то, что ты появился на свет, то эта злость может раствориться в медитации». («Сан-Франциско хроникл», 18 сентября 1979 г.).

Ведущие теоретики экологического сопротивления определяют насилие по сравнению с ненасилием как тактику. Но, как писал Айткен Роши:

“ «Ненасилие — это не просто тактика для тех, кто избирает его своим образом действий ... Иными словами, цель — это средство. Возьмите политическую историю или историю любого движения. Когда мы преследуем какие-то цели, эти цели имеют тенденцию предавать нас. Мы победили Л.Б. Джонсона, а в результате получили вместо него Ричарда Никсона. Мы избавились (временно) от бомбардировщика Б-1, так появились крылатые ракеты. Нам нужно сделать своей целью сами наши действия. Наши действия сами должны быть правдой. Наши действия сами должны стать своей защитой, своей декларацией, своей собственной целью». (Письмо автору, июнь 1982 г.)

Насилие отвергается экологическим сопротивлением как с практической, так и с этической точки зрения. Террористические нападения на атомные станции или ракетные установки могут вызвать жестокую реакцию со стороны правительственных агентств и «красную» боевую тревогу.

Если же человек рискует собственной жизнью, сидя перед бульдозерами или полицейскими автомобилями в знак протеста против уничтожения дождевых лесов, он, возможно, поступает незаконно, но такие действия никто не назовёт насильственными. А спонтанные акты, такие как выведение из строя ядерного генератора или бульдозера могут способствовать дальнейшему разрушению той или иной экосистемы.

Экологическое сопротивление также означает защиту природного разнообразия посредством образования, общественных выступлений, судебных исков, попыток привлечь на свою сторону общественное мнение, информирования политиков и лиц, принимающих соответствующие решения. Сопротивление — это второе название для утверждения — радостного утверждения своего единства с Природой, природного разнообразия и минимального человеческого воздействия на место его обитания.

Зачастую создаются союзы экологических сопротивленцев и местных аборигенов, борющихся за сохранение традиционных священных мест. Прекрасный пример такого рода сотрудничества — Движение гавайских аборигенов и их усилия по возвращению острова Као'олаве, использовавшегося Американскими военно-морскими силами для учений в

бомбометании. Этот остров исторически был важен местным жителям для выращивания сладкого картофеля (бататов), а также как священное место, куда были перенесены боги с Таити.

В своей работе о Движении гавайских аборигенов Роберт Айткен Роши описывает встречу американских морских офицеров и представителей гавайской группы, посетившей остров Као'олаве. «Не спрашивайте меня, что я думаю о Као'олаве, — сказал офицер. — Я присутствую здесь как представитель морского флота США, осуществляющего здесь американскую политику».

Айткен заключает:

“ «Столкнувшись с людьми глубоких религиозных убеждений, бюрократ смог только отступить. На Као'олаве флот ведёт проигрышную партию, потому что он не вооружён правдой.

В процессе поиска истины и возвращения к традиционным гавайским истокам происходит глубинный отказ от всех ценностей, — если их можно назвать ценностями, — которые привели людей к их нынешнему состоянию личной и общественной неустроенности».

Поэтому процесс экологического сопротивления является как личностным, так и общественным. Перемена основ нашего мышления и поиски поддержки других людей такого же мышления, а также понимания природных процессов — важнейшая задача нашей жизни.

Один из результатов этого процесса — скромность. Такая скромность — почти утерянная добродетель в нашем технократически-индустриальном обществе. Это та личная скромность, которая не вознаграждается при эгоистическом господстве одних людей над другими или какими-либо аспектами дикой Природы. Это и коллективная скромность вида или нации. Как заключает Арне Нейс:

“ «По-моему, скромность немногого стоит, если она не является естественным следствием значительно более глубоких чувств, и что ещё более важно в нашем конкретном контексте, следствием понимания самих себя как части природы в широком смысле этого слова. Это такое понимание, посредством которого чем меньше мы ощущаем себя по сравнению с горой, тем ближе мы подходим к ощущению своей причастности, своего участия в её величии. Не знаю, почему это так».

Джон Мюир: пример сопротивления, лидерства и характера

Теория лидерства Джона Мюира лучше всего описывается следующей цитатой из «Дао Те Чинь»:

“ «Реки и моря доминируют в пейзаже, поскольку, отлично умея отыскивать самые низкие места, вода покрывает, наполняет, занимает всё и распространяется поверх всего. Так же и разумный человек превосходит других, поскольку признаёт свою незначительность, и становится лидером, поскольку желает быть последователем. Таким образом, хоть он и превосходит других, эти другие не чувствуют, что их принуждают покоряться. Все они рады оказать ему поддержку. Поскольку он ни с кем не конкурирует, никто не конкурирует с ним».

Мюир верил в то, что другие могут наслаждаться несравненной красотой природы так же, как и он сам. Возвращаясь в Сан-Франциско с цветами после похода в графстве Марин, он встречался с группой детишек и видел восторг в их глазах, когда дарил им эти цветы.

Мюир поддерживал дружбу с разными людьми, мужчинами и женщинами, которые поддерживали его и которых поддерживал он в своих политических кампаниях. Некоторые из этих друзей имели огромную власть, как, к примеру, президент Рузвельт и железнодорожный барон Эдвард Генри Гарриман. Мюиру нужны были все его друзья, способные помочь ему спасти горы от шахтёров, лесорубов, и других разработчиков полезных ископаемых. Конечно же, его друг Гарриман мог вмешаться и в законодательство штата Калифорния, и в деятельность федерального Конгресса в критические моменты разных политических дебатов касательно будущего национальных парков, и Мюир оставался его другом вплоть до смерти Гарримана в 1909 году.

Мюира никогда не привлекали абстрактные политические кампании или дебаты. Он был конкретен и личностен. В ранней юности Мюира очень беспокоили страдания жертв Гражданской войны. Однако он был и пацифистом, а потому решил изучать медицину, чтобы помочь страждущим. Из-за задержки почты в связи с военным положением он не получил вовремя письма о приёме его в медицинскую школу, и поехал путешествовать по Канаде, покинув родной дом. Мюир никогда не был мизантропом. Это подтверждает его дружба с Гаррисоном, Жанн Карр и другими людьми, которых он встречал во время своего путешествия. Он был вежлив и добр даже во дни своего горчайшего поражения, когда он не смог отстоять Хетч Хетчи. Он понимал, почему многие были против него; после голосования вопроса о Хетч Хетчи в Конгрессе он сказал: «Со временем они поймут, что я имел в виду. Должны же быть места на земле, где люди смогут найти душевный покой. Еда и питьё — это ещё не всё. Есть ещё и духовная пища. Конечно, в некоторых душах это лишь эмбрион, зародыш, — но ведь он будет расти!»

Вопрос о запруживании долины Хетч Хетчи содержал множество подтем: государственное и частное водопользование в Калифорнии, целостность новой системы национальных парков, национальные и местные интересы, «максимум благ максимальному числу людей в дальней перспективе», и, наконец, самое главное для Мюира — правильный образ жизни, то, как мы должны жить, связанные с местами вне цивилизации. Мюир понимал, — если плотина Хетч

Хетчи будет построена, то все реки Калифорнии станут доступными для научного управления, для использования в целях экономического развития и удовлетворения определённых нужд некой части людей, вместо того чтобы дать им возможность просто быть.

В теории восприятия Уильяма Эверсона Хетч Хетчи стала:

“ «...Одним из важнейших поворотных пунктов в духовной жизни нации, пожалуй, самым главным, если говорить о будущем. С него началось реальное закрытие концепции неограниченной экспансии, вместо неё перед человеком встала необходимость подумать о том, что лучше лишиться чего-нибудь себя, чем обеднять своё окружение. Более того, это был момент, когда подразумеваемые религиозные положения обрели открытый статус, и хотя быть может, рефлекторно, Америка пошла против своего сознания и запрудила Хетч Хетчи, выбрала нормы прошлого, а не будущего, нанеся удар, который свёл Мюира в могилу, и всё же фактически поворот был сделан».

Здесь можно было бы сделать вывод, что Мюир проиграл Хетч Хетчи ради того, что считалось жизненно важной задачей — обеспечить водой город Сан-Франциско с его быстро растущим населением, — однако более широкий контекст оптимистичнее. Мюир боролся за, или, говоря более позитивным языком, утверждал единство и целостность Хетч Хетчи. Он коснулся Земли. Он ощущал своё собственное «я» помимо социального «я», и его способ сопротивления, его настойчивость, и даже его личное переживание крушения надежд и недостаточности усилий перед лицом превосходящих концепций политических лидеров и сторонников бурного экономического развития, — всё это вдохновляет нас искать пути развития нашего собственного экологического сознания.

Заключение

С точки зрения глубинной, долговременной экологической перспективы, что бы ни требовалось делать, мы — те, кто это должен сделать.

Прямые действия означают активно поднять голос глубинной экологической интуиции, способствуя более интуитивному восприятию, обретение более глубоких и обширных знаний и понимания нашего биорегиона, родной земли, Природы и себя самих.

С точки зрения глубинной экологии существует очарование, глубокая увлечённость самим процессом жизни, и в то же время некая простота и радость этого серьёзного занятия. К концу своей чрезвычайно активной жизни Мюир однажды сказал: «Я всего лишь вышел на прогулку и решил остаться до вечера, поскольку, как мне удалось обнаружить, выйти, собственно, означало войти».

Внутри и наружу — два аспекта одного процесса. Мы не одиноки. Мы — неотъемлемая часть более обширного сообщества. Каждая жизнь в определённом смысле героична и связана с другими. Как сказал Бодхисаттва, «никто не спасётся, если не спасёмся мы все».

Такое понимание охватывает все представления о спасении и сохранении чего бы то ни было, будь то вид, находящийся под угрозой, сообщество или наше собственное «я».

Каждая жизнь есть героический поиск. Это путешествие духа, во время которого мы открываем свою цель. Нужно только сесть на корабль, отправиться в сердце своём в это путешествие, начатое нами так давно, и приняться за «настоящую работу» — становиться подлинными и делать подлинное. Ничего здесь нет утомительного или принудительного.

Процесс становления зрелости проще, чем многие полагают. Как вода, текущая по каньону, всегда податливая, но и всегда упругая, находящая свой путь, простая в средствах, богатая в результатах.

В этой книге мы рассмотрели множество аспектов высших норм глубинной экологии, самореализации и биоцентрического равенства. Мы видели, как эти нормы можно применить в нашей собственной жизни, для развития зрелости, и в государственной политике. Мы представили примерную платформу, предложили набор основных принципов глубинной экологии, вытекающих из этих норм и приложимых к трудностям нашего технократически-индустриального общества. Мы обсудили различные пути совершенствования государственной политики с точки зрения глубинной экологии для создания биорегиональных сообществ, чтобы сызнова заселить землю, и разнообразные пути достижения зрелости каждым индивидуумом. И мы выдвинули идею о том, что нам нужны более экотопические взгляды на жизнь в смешанных сообществах людей, рек, оленей, волков, насекомых и деревьев.

Заключительное предложение исходит от Арне Нейса:

“ «В конечном счёте, чтобы радостно и всем сердцем участвовать в движении глубинной экологии, вы должны очень серьёзно отнестись к своей жизни. Люди, успешно ведущие скромный образ жизни с низкими материальными стандартами и успешно культивирующие глубокую, интенсивную внутреннюю жизнь, гораздо более способны следовать мировоззрению глубинной экологии и действовать от её имени. И я сажусь, и дышу глубоко, и просто ощущаю, где я нахожусь».

Эпилог

Народ олоун, люди, скромные в средствах, богатые по результатам, живущие на берегах заливов Сан-Франциско и Монтерей в местах, что теперь называются Калифорнией, были «открыты» испанцами в 1770-х годах. За пятьдесят лет после их «открытия» люди олоун почти полностью исчезли — умерли от европейских болезней, были растерзаны и изнасилованы белыми мужчинами, лишены всех своих лучших охотничьих и рыболовных угодий. Мы мало знаем о богатстве их мифов, ритуалов, образа жизни, но одной западающей в память строки достаточно, чтобы призвать нас, современных людей, к вниманию: «Танец на краю мира».

Эта строка может означать танец на границе континента с великим западным океаном, западными духовными воротами для многих индейских народов, протянувшимся вдаль от их танцевальных площадок. Может она означать и особенно болезненный пессимизм, переполнявший их, как утверждают некоторые толкователи, после первых контактов с европейцами. Она может означать также танец живых существ на этой земле между существованием и бытием.

Она может означать всё это и много больше. Для нас, живущих под угрозой ядерного холокоста и неустанного превращения Природы в товар и управляемые древесные фермы, она содержит некий зов воспоминаний, некое чувство.

Мы танцуем на грани своего маленького мира, о котором мы так мало знаем; мы танцуем танец жизни, смерти; танцуем при полной луне, празднуя связи с нашими предками, которых смутно припоминаем; танцуем, чтобы холод и темнота ядерной зимы не пробрали нас до костей; танцуем на грани экологической катастрофы; танцуем во имя самого танца, не анализируя, не артикулируя, не объясняя; танцуем, не ища осознанно никакого смысла, но впуская смысл бытия в наше жизненное пространство.

Танец всегда был частью жизни первобытных людей. Для нас танец может быть Танцем Духов по всему, что мы утратили: по кондорам, бизонам, секвойям, водосборам, волкам, китам и странствующим голубям. Или это может быть танец Возрождения бытия, скромности и мудрости Земли в поворотном пункте.